

Сибирь до эпохи Ермака,

по свѣдѣніямъ западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ.
(1245—1578) ^{1).}

Въ одноть изъ очерковъ намъ приходилось говорить о тѣхъ слухахъ о Сибири, которые циркулировали среди русскихъ до эпохи, завоевавшей Ермака ²⁾. По наше му изслѣдованию оказывалось, что русскіе до эпохи Ермака обладали очень немногими положительными свѣдѣніями о Зауральскомъ краѣ и большую частію довольствовались разными баснословными рассказами объ этомъ краѣ. Теперь интересно изслѣдовать, много ли знала Западная Европа о Сибири до эпохи Ермака чрезъ своихъ писателей и путешественниковъ. Для сравненія съ тѣмы свѣдѣніями, какія у русскихъ были до эпохи Ермака о Сибири, мы въ настоящемъ очеркѣ приведемъ извѣстія о странахъ сѣверной Азіи въ тамошнихъ общагеляхъ, извлѣкаемыя изъ сочиненій иѣко-торыхъ западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ, жившихъ и писавшихъ до послѣдней четверти XVI столѣтія, т. е. до времени завоеванія русскими Сибирского царства. Изученіе означенніихъ извѣстій за-падно-европейскихъ авторовъ представляется интереснымъ еще и въ томъ отношеніи, что пѣкоторые изъ этихъ писателей, какъ, напримѣръ, Герберштейнъ и Іовій, получали свои свѣдѣнія изъ русскихъ источниковъ. Поэтому, изучая извѣстія такихъ авторовъ, можно также узнать, что самимъ русскимъ было познѣено въ то же время о сѣверной Азіи.

Въ настоящемъ очеркѣ приводятся извѣстія о сѣ-верной Азіи слѣдующихъ западно-европейскихъ путе-шественниковъ и писателей: Илано Карини путешествовалъ въ 1245 г., Марко Поло (путешествовалъ съ 1254 или 1255 до 1295 г.), Шильтбергера (путе-шествовалъ съ 1394 по 1427 г.), Матвѣя Мѣховскаго (сочиненіе его появилось въ 1517 г.), Альберта Кам-пензе (сочиненіе его относится къ 1523 или 1524 г.), На-вла Іонія (свѣдѣнія о Сибири получены имъ въ 1525 г.), Сигизмунда Герберштейна (былъ въ Московіи въ 1517

¹⁾ Извлеченіе изъ оного изслѣдованія: «Сношеннія русскихъ съ обитателями сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака».

²⁾ Сибирскій Сборникъ, научно-литературное periodическое изданіе подъ редакціей Н. М. Ядищева. Приложевіе къ «Во-сточному Обозрѣнію» 1886 г. Кнага IV. Спб. 1887. Стр. 108-116.

и 1526 гг.), Рафаэля Барберини (путешествовалъ въ Москвию и въ 1565 г.) и Александра Гванини (сочинение его появилось въ 1578 г.). Мы ограничиваемся въ настоящемъ очеркѣ почти только однимъ извлечениемъ свѣдѣній изъ сочиненій памшанихъ писателей, дѣлая при этомъ комментарій только общаго характера. Подробный историко-географический и этнографический разборъ извѣстій западно-европейскихъ писателей о Сибири до эпохи Ермака не входитъ въ программу настоящаго очерка и можетъ составить задачу отдельного изслѣдованія. Считаемъ нужнымъ также замѣтить, что, конечно, нашъ очеркъ не полонъ, и нѣкоторые писатели, можетъ быть, даже важные для нашего изслѣдованія, памя прощущены. Нѣть у насъ подъ руками всѣхъ пособій, чтобы сдѣлать очеркъ по возможностямъ полныхъ. Приводимъ только тѣ извѣстія, какія удалось собрать, при ограниченныхъ учесныхъ пособіяхъ³.

I.

Джованни де Плано-Карини.

Джованни де Плано-Карини, путешествовавший въ 1245 году къ татарамъ, въ качествѣ послы отъ папы Иннокентія IV, сообщаетъ въ описаніи своего путешестія свѣдѣнія объ обитателяхъ крайняго сѣвера Азіи. По представленію Плано-Карини, народы на сѣверо-востокѣ Европы и сѣверо-западѣ Азіи глађдавали по мястамъ, занимаемымъ ими, однѣ за другими въ такомъ порядкѣ: «Къ Команской землѣ (по нижнему течению реки Волги и по сѣверо-западиамъ берегамъ Каспійскаго моря) прилегаютъ съ сѣвера испосредственно послѣ страны русскихъ мордвы, билеры, или Великая Булгарія, бастарки, или Великая Венгрия. За бастарками живутъ парослы и самогеты. За самогетами живутъ на аустынныхъ берегахъ океана тѣ, у коихъ, какъ говорить, лице собачье»⁴).

Въ этомъ извѣстіи бастарки означаютъ башкировъ, а въ парослахъ и самогетахъ нужно видѣть обитателей сѣверо-западной Азіи. Но инѣю нѣкоторыхъ, подъ

³) Къ сожалѣнію, памъ не приводится воспользоваться при нашей работе извѣстиями сочиненіемъ Аделунга: Историко-литературное обозрѣніе трудовъ западно-европейскихъ путешественниковъ. 1700 г., писавшихъ о Россіи.

⁴) Согласно путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. Г. Плано-Карини. Сб. 1825. Переводъ Языкова, Кн. I, гл. V, стр. 25.

парослами слѣдуетъ разумѣть пермяковъ, во Лдербергъ съ болѣшимъ основаніемъ признаетъ парословъ за народъ, принадлежавшій къ племени самоѣдовъ и жившій при рекахъ Пурѣ и Тазѣ. Въ русскихъ источникахъ встрѣчается название народа «пертасы», сходное съ названіемъ «парослы» и, вѣроятно, образованное изъ сложенія словъ «Пурѣ» и «Тазѣ»⁵). Надъ самогетами путешественника Плано-Карини слѣдуетъ разумѣть самоѣдовъ.

При описаніи похода татарь въ Венгriю и обратно, Плано-Карини сообщаетъ нѣкоторыя подробности о народахъ сѣверо-запада Азіи: о парослахъ (пертасахъ), самогетахъ (самоѣдахъ) и о баснословномъ народѣ съ собачими головами. «Возвращаясь изъ Венгriи, татары, по словамъ путешественника, пошли въ землю Мордвинскую (Мордовскую), где жители идолопоклонники, и побѣдили ихъ. Оттуда прошли они далѣе на востокъ, т. е. въ Великую Булгарію, и опустошили ее всю. Оттуда ихъ начальникъ пошоль еще далѣе къ сѣверу на бастарковъ (баскартовъ, башкировъ), которыхъ татары также побѣдили. Выйдя оттуда, пошли они на сѣверъ и пришли къ паросламъ, у которыхъ малый желудокъ и малый ротъ; они не Ѵдятъ мяса, но, сваривъ его, становятся между дымомъ и горшкомъ, глотаютъ паръ и тѣмъ только подкрадываютъ свои силы. Если же что Ѵдять, то очень мало. Оттуда, проходя далѣе, пришли татары къ самогетамъ (самоѣдамъ), которые живутъ только вѣртолюстомъ, а шатры свои и одежду дѣлаютъ только изъ звѣринныхъ кожъ. Оттуда, пیدа далѣе, пришли они въ какую-то землю надъ океаномъ, где пашли какихъ-то чудовищъ, которыхъ во всемъ имѣли видъ человѣческий,

⁵) Изслѣдованіе, служащіе къ объясненію древней русской истории, Лерберга. Издѣль на фрм. яз. Кругъ, перевѣтъ на русск. Языкова. Спб. 1819. Статья о древней Югріи, стр. 54. По ссылкѣ Лерберга, пертасы упоминаются въ Никоновской лѣтописи, ч. IV, стр. 267. Имя пертасовъ также приводится въ поэзіи «св. Стефанѣ Пермскому», при перечисленіи народовъ, обитавшихъ около Перми. Памятники старинной русской литературы. Издѣль графъ Григорій Кушелевъ-Безбородко, вып. IV. Спб. 1862. Повѣсть о Стефанѣ, стр. 123: «А се имена мястои и странамъ и землямъ и иноязычникоиъ, живоющими въ кругу Перми: Двиняне, Оустюжане, Вилежане, Вычегжане, Пинежане, Южеие, Сыряяне, Галаи, Віатчене, Лопь, Корѣла, Юgra, Нечера, Вогоуличи, Сомоеды, Пертасы, Пермь Великая, глаголемая Чюсовая».

только ноги у нихъ кончались какъ у быковъ, а лице было настоящее собачье; два слова произносили они по человѣччи, а третью лаяли какъ собаки, и такимъ образомъ въ промежуткѣ времени (лучше перево-дить: нѣкоторое время) употребляли лай, а потомъ возвращались къ своей природѣ, и поэтому можно было понимать ихъ⁶⁾.

Извѣстіе, сообщаемое Илано-Карнини о самоїдахъ, жившихъ на крайнемъ сѣверѣ Азіи и занимавшихъ землѣю, можно принять за достовѣрное. Но затѣмъ, говори о пароситахъ и какихъ-то сѣверныхъ прибрежныхъ обитателяхъ съ быччьими ногами и собачьими головами, Карнини инадѣть въ полную беспо-слычность. Пропекожденіе басни о пароситахъ, питаю-щихся паромъ, учение объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Пароситы, какъ пародъ отдаленнаго сѣвера, пра-нуждены были лѣтомъ жить въ своихъ жилищахъ, по цѣлии предѣламъ защищаясь посредствомъ дымного очага отъ комаровъ и оводовъ, которые сильно размно-жаются во влажныхъ низменныхъ мѣстахъ и причиняютъ людямъ немалыя мученія. Отсюда дымъ представляется въ баснѣ о пароситахъ въ видѣ цара, который будто бы питался этотъ пародъ⁷⁾. Къ пропекожденію же фантастического разсказа о странныхъ людяхъ съ быч-чими ногами и собачьими головами, по мифу Лер-берга, подали поводъ неясная свѣдѣнія о морскихъ жи-вотныхъ Сѣверного океана. А именно, поводомъ къ разсказамъ о чудовищныхъ людяхъ послужили моржи-ть пекулюжими передними лапами и тюлени, у кото-рыхъ головы похожи на собачьи, а голось на лай⁸⁾.

Изъ извѣстій Илано-Карнини видно, что этотъ путе-шественникъ не сообщаетъ почти никакихъ положитель-ныхъ свѣдѣній о странахъ и народахъ сѣверо-западной Азіи. Только относительно самоїдовъ онъ даётъ неболь-шое достовѣрное указание. Остальнаяя его свѣдѣнія о народахъ сѣверо-западной Азіи пренсполиены басно-словности.

⁶⁾ Сообщеніе путешествій къ татарамъ и другимъ посточнымъ пародамъ въ XIII, XIV и XV ст. I. Илано-Карнини Слб. 1825. Переводъ Языкова. Еп. II, гл. V, стр. 157.

⁷⁾ Наставлованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи, Лерберга. Изданъ Кругъ, перевѣль съ нѣм. Языковъ. Слб. 1819. Статья о древней Югри.

⁸⁾ Ibidem.

II. Марко Николо Поро да С. Феличе.

Знаменитый путешественникъ второй половины XIII вѣка (отъ 1254 или 1255 до 1295 года), посѣтившій многія страны Азіи, Марко Николо Поро да С. Феличе въ описаніи своего путешествія сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о странахъ и обитателяхъ сѣверной Азіи.

Марко Поро говоритъ о странѣ, населенной татарами, которая почти недоступна по причинѣ холода и льдовъ. «Итакъ, пишеть путешественникъ, надоѣло знать, что въ сѣверныхъ краяхъ свѣта (т. е. Азіи) живетъ много татаръ подъ властью одного князя, по имени Кайду, который изъ Чингисъ-ханова рода и близкій родственникъ хана Кублаю. Онь не зависятъ ни отъ какого другаго государя. Жители соблюдаютъ обычай и права своихъ предковъ и считаются первоначальными татарами. Ихъ король (ханъ; можетъ быть, вѣриѣ; князь, бикъ и его волкъ не стѣняютъ себѣ въ горо-дахъ и крѣпостяхъ; они живутъ во всякое время на открытыхъ равнинахъ, въ долинахъ, или лѣсахъ, которыхъ много въ этой странѣ. У нихъ есть никако-го хлѣба, они питаются мясомъ и молокомъ и живутъ въ полномъ согласіи другъ съ другомъ: для короля ихъ, которому они безусловно послушны, всего дороже со-храненіе мира и согласія между его подданными со-ставляюще главный долгъ государя. У нихъ огромныя стада лошадей, коровъ, овецъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Въ этихъ сѣверныхъ краяхъ есть медведи бѣлого цѣла и очень больши: они всего чаще въ 20 виденій дани. Тамъ есть и лисицы, изъ которыхъ шерсть совсѣмъ черная, очень много дикихъ ословъ, да еще какіе-то зѣрки, по имени Рондесъ, съ самою нѣжною шерстью: у нихъ называютъ ихъ соболичами, или соболями. Кроме того, есть разные зѣрки изъ по-роды кунца и ласочки, да еще такие, которыхъ зову-тъ фараоновыми мышами. Множество посѣдшихъ не-вѣроютно, но татары довѣрятъ этихъ зѣрковъ такъ иску-сно, что они не ускользаютъ отъ нихъ. Чтобы добраться до страны, въ которой живутъ эти народы, надоѣлоѣхатъ 14 дней по широкой равнинѣ, совершивъ не-обитаемой: въ ней сливаются безчисленныя рѣчки и ручьи, отчего вся она въ болотахъ. Въ долгую, холодную зиму все мерзнетъ: только въ немногіе мѣсяцы солнце разводить ледь, и тогда почва дѣлается болотистово, отчего и путешествіе становится гораздо труднѣе и уто-мительнѣе, нежели въ то время, когда все замерзаетъ.

Но, чтобы купцы могли посещать этот край и покупать его меха, въ которыхъ и состоитъ вся торговля тамошнихъ жителей, они съ большими усилиями сделали доступною для путниковъ эту болотистую степь и на концѣ всякаго дневнаго перехода выстроили по деревянному жилью, возвышеному надъ землею: тутъ приставлены лодки, обвязанные принимать купцовъ и давать имъ почлегъ, а на другой день провожать ихъ до следующей станціи, пока не окончится степная дорога. Для перехода по замерзувшей землѣ у нихъ есть родъ повозокъ, нѣсколько похожихъ на тѣ, которыми пользуются природные жители крутыхъ и почти недоступныхъ горъ, въ сосѣдствѣ съ нашей страною Венеціей): онѣ называются посвѣками или сапами, безъ колесъ, съ гладкимъ и ровнымъ дномъ. Спереди загнутымъ полуудобно киерху: на такихъ сапахъ легко можно мчаться по льду. Для возки этихъ небольшихъ эквиажей жители приспособили какихъ-то животныхъ, которыхъ походятъ на собакъ, да и могутъ такъ называться, хотя величию почти съ ословъ. Они очень склонны и привычны къ Ѣздѣ. Шесть такихъ собакъ прягаются во двѣ въ рядъ въ повозку, въ которой помѣщается только поговорщикъ да купецъ съ поклажею своихъ товароў. Но окончаніе дневнаго перехода, купецъ выходитъ изъ повозки съ такою собачею упряжью, и мѣняетъ ее изо дня въ день до тѣхъ поръ, пока окончится степная дорога, а на обратномъ пути привозить съ собою мѣха, сбываляемые въ нашей части сїльти^{*)}.

Въ этомъ описаніи страны, очевидно, нужно видѣть сїверную Азію, т. е. нынѣшнюю Сибирь. Обилие рекъ, отчасти болотистая мѣстность, долгая холодная зима, множество разныхъ пушныхъ звѣрей, изъ которыхъ, замѣтимъ, упоминается бѣлыи медведи: затѣмъ, Ѣза на собакахъ, богатство жителей, состоящее изъ огромныхъ стадъ коровъ, овецъ и табуновъ лошадей,— все эти условия сильно напоминаютъ сїверную Азію. Но какую именно часть сїверной Азіи разумѣеть въ своемъ описаніи Марко Поло, определенно сказать трудно. Только можно предполагать, что путешественникъ

въ данномъ случаѣ описываетъ главнымъ образомъ юго-восточные и сїверо-восточные предѣлы Сибири, такъ какъ о сїверо-западныхъ и юго-западныхъ предѣлахъ Сибири онъ говорить въ другомъ мѣстѣ описанія своего путешествія.

Далѣе, Марко Поло сообщаетъ сїдущіи сїднія о землѣ Югорской, которая у него называется страною Мрака: «Въ самой отдаленной части этой Татарской земли, откуда, какъ сказано, привозится мѣха, есть другая страна, которая тянется къ самому краинѣмъ сївернымъ предѣламъ мѣра и называется страною Мрака, потому что въ большую часть зимы мѣсяцъ тамъ не видно солнца и небо такъ темно, какъ бываетъ у насъ передъ рассвѣтомъ, по поговоркѣ: ни день, ни ночь. Жители этой земли красивы и высоки, но очень блѣдны лицемъ. У нихъ быть никакого короля, или государя, отъ которого они были бы въ зависимости: они живутъ безъ правовъ (изброятия), нужно сказать: безъ всякаго понятія о добрѣ и злѣ), безъ закона, подобно скотамъ. Разсудокъ у нихъ точно въ туманѣ, и они почти глупы. Татары врываются въ эту страну разбойническими наездами и отнимаютъ у жителей скотъ и пожитки. Для того они пользуются тѣми же ясениами, когда бываетъ темно, чтобы не замѣтили ихъ приближенія; но, не зная хорошо дороги для возвращенія домой съ добычею, они, чтобы не заблудиться, Ѣзгнѣ на кобылахъ, у которыхъ есть жеребята: эти послѣдніе провожаютъ матокъ до границъ Татарской земли, а по томъ, при выѣзда въ темный край, татары оставляютъ ихъ подъ особеннымъ приемотромъ: покончивъ свои темные дѣла и пожелавъ опять увидать страну свѣта, татары бросаютъ поподъя на шеяхъ своихъ лошадей, и эти бѣгутъ, какъ имъ вздумается. Руководимъ материнскимъ инстинктомъ, они выбираютъ дорогу прямо къ тому мѣсту, где оставили своихъ жеребятъ, и такимъ образомъ ведущіи вѣрою добираются до своихъ домовъ. Жители этой темной страны пользуются лѣтнимъ временемъ, когда у нихъ постоянный день, для убийства множества горностасовъ, куницъ, ласочекъ, лисицъ и другихъ звѣрей этого рода, мѣха ихъ очень пѣжны, а потому и гораздо дороже тѣхъ, которые находятся въ странахъ, обитаемыхъ татарами: это то и соблазняетъ татарь къ тѣмъ набѣгамъ, о которыхъ мы упомянули выше. Лѣтомъ они возятъ мѣха въ сосѣднія страны, где я сбываю ихъ съ хорошимъ прибылью:

^{*)} Четкя въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ за 1862 годъ, кн. № 4. Путешествие Марко Поло въ XIII столѣтіи. Нѣмецкое изданіе Августа Бюрка съ дополненіями и поправками Карла Фридриха Неймана. Перевель съ нѣм. А. И. Шемякинъ. Книга путешествій III, гл. 44, стр. 484, 485 486 и 487.

и въ разсказывала, что иѣкоторые мѣха вывозятся даже въ землю Русь» ¹⁰.

Подъ страною Мрака, описаною Марко Поло, по всейѣквроятности, слѣдуетъ разумѣть Югорскую землю. Это предположеніе о тождествѣ страны Мрака путешественника Марко Поло съ Югорской землей можетъ основываться отчасти и на томъ фактѣ, что земля Югорская у древнихъ арабскихъ путешественниковъ также называется страной Мрака. Затѣмъ, Марко Поло слышалъ о торговыхъ союзеніяхъ Руси съ его страной Мрака, что можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если мы подъ этой страной будемъ разумѣть землю Югорскую, такъ какъ въ XIII вѣкѣ русскіе сдали японамъ проникать на сѣверъ Азіи далѣе предѣловъ земли Югорской.

Въ одномъ мѣстѣ описания своихъ путешествий Марко Поло говоритъ о двухъ областяхъ сѣверной Азіи: Іорза и Баргу, гдѣ жили также татары. Подъ этими сѣверными землями Іорза и Баргу вообще нужно видѣть Сибирь съ ея широкими равнинами, гдѣ бродили, какъ кочевники татары. О какой именно части Сибири говорить въ данномъ случаѣ Марко Поло, это понятается указать ниже. Теперь же приводимъ самое описание страны Баргу. О землѣ Іорза Марко Поло говоритъ очень мало. Татары жили, — сообщаетъ путешественникъ, — въ сѣверныхъ странахъ Іорза и Баргу, однако же не имѣли постоянныхъ жилищъ, т. е. ни городовъ, ни укрѣпленныхъ мѣстъ, но тамъ были широкія равнинныя хорошия пастбища, большия рѣки и вѣдь воды» ¹¹.

Затѣмъ, путешественникъ болѣе подробно описываетъ собственно равнину Баргу, находившуюся близъ города Кара Корана, на которомъ жили ханы. Онъ разсказываетъ о нравахъ жителей этой равнины, объ океанѣ, который находится въ 40 дниахъ пути отъ нея, о соколахъ, водившихся на прибрежныхъ горахъ, и о положеніи полярной звѣзды, въ какомъ она является для наблюдателя въ этихъ мѣстахъ.

«Наканунѣ Кара Корана и Алтайскія горы, мѣсто погребенія татарскаго царскаго семейства, пишетъ Марко Поло, — приблизаютъ страну, лежащую въ сѣверномъ направлѣніи и называемую равнину Баргу, длиною въ

60 дней пути. Ея жители, по мнѣніи меркиты, — дикая орда: они питаются мясомъ дикихъ зѣбреи, изъ которыхъ самые большие, (словно) олени, употребляются также и для юзы; питаются и птицами, исѣщающими ихъ многочисленными озера и болота, также и рыбью. Лѣтомъ, когда птицы линяютъ, они пшутъ этихъ водъ и, находясь не въ состояніи летать, и недостатку перьевъ, лорвятся людьми безъ большого труда. Эта равнина на сѣверѣ граничитъ съ океаномъ. Обычай и нравы жителей похожи на татарскіе. Жители подвластны великому хану. У нихъ есть ни хлѣба, ни винограду; лѣтомъ они охотятся; зимою же все птицы и дикие зѣбреи скрываются, по причинѣ неизрѣзанно жестокаго холода. Послѣ 40 дней пути прибываютъ, говорить, въ великому морю-океану. Вблизи него находится гора; на ней гнѣздится много дѣтровъ и перелетныхъ соколовъ. Тамъ есть ни людей, ни зѣбреи, да и изъ птицъ живетъ только одна порода, по имени Баргелакъ, за которую охотятся соколы и которая питаются кречетами, — величию почти съ куропаткой, съ хвостами, какъ у ласточекъ, съ когтями, какъ у птенцовъ, — на лету очень быстры. Когда великій ханъ пожелаетъ имѣть породу перелетныхъ соколовъ, они посылаютъ въ это мѣсто, также и на прибрежный островъ, гдѣ кречетовъ такое множество, что его величество (ханъ) можетъ имѣть ихъ сколько ему угодно. Нельзя думать, чтобы кречеты, присылаемые изъ Европы татарамъ, шли ко двору великаго хана. Они идутъ къ иѣкоторымъ татарамъ, или другимъ знатнымъ лицамъ въ Левантѣ, сопредѣлью съ землями комановъ и арминъ. Та страна (Баргу) лежитъ такъ высоко изъ сѣвера, что полярная звѣзда представляется почти въ южномъ направлѣнії» ¹².

Въ этомъ описаніи подъ громадою равниной Баргу, лежащей изъ сѣвера и простирающейся на 60 дней пути, въ предѣлахъ сѣверной Азіи, трудно разумѣть что либо иное, кроме Сибири. Однако, не можетъ быть, чтобы равнина Баргу означала всю вообще Сибирь, т. е. сѣверную Азію. Противъ этого говорить то, что раньше Марко Поло уже отмѣтилъ двѣ различныя части сѣвера Азіи, а именно онъ описывалъ какую-то сѣверную холодную страну съ татарскими населеніемъ и страну Мрака (до нашему мнѣнію, Югорскую землю), находившуюся на самомъ краинѣ сѣвера Азіи. Необходи-

¹⁰) Ibidem, гл. 45, стр. 487 и 488.

¹¹) Чтенія изъ общ. истор. и древн. росс., 1862, кн. №1, Путешествія Марко Поло, гл. 43, стр. 163.

¹²) Ibidem, гл. 50, стр. 189 и 190.

димо предполагать, что Марко Поло наименование Баргу указывает только на одну какую нибудь отдельную часть северной Азии. Но мышью некоторыхъ ученихъ, равнина Баргу находилась около озера Байкала^{13).} Но такое предположение о месте Баргу не согласно съ описаниемъ этой равнины. Но представлению Марко Поло, Баргу является страною очень обширною и простирающеюся на северъ далеко до самого океана. Какъ кажется, подъ Баргу Марко Поло, согласно съ Миддендорфомъ, лучше будетъ разумѣть прежде всего Барабинскую степь, а затѣмъ, можетъ быть, и всю низменность, разстилающуюся между реками Иртышемъ, Обью и Енисеемъ къ Ледовитому океану^{14).} На такое географическое положеніе равнины Баргу отчасти указываетъ то, что макраты, обитатели этой равнины, жили, по некоторымъ свидѣтельствамъ, гдѣ-то недалеко отъ реки Иртыша^{15).} Затѣмъ, и физическія свойства Барабинской степи и царскихъ степныхъ пространствъ между реками Иртышемъ, Обью и Енисеемъ довольно хорошо подходитъ подъ описание Баргу у Марко Поло. «Мастерскою рукою, не многими, но мѣткими чертами, по отзыву Миддендорфа, изображаетъ Марко Поло (въ описании Баргу, т. е. Барабинской степи въ другихъ степныхъ пространствахъ между Иртышемъ, нижнимъ текеніемъ Оби и Енисеемъ) и страну Сибири, и ея кочевыхъ обитателей въ томъ самомъ родѣ жизни, какой они ведутъ и доселе». Множество озеръ и болотъ, полу-

¹³⁾ Ibidem, притч. 164 на стр. 164.

¹⁴⁾ Путешествіе на северъ и востокъ Сибири, А. Миддендорфа, ч. I, отд. I, стр. 63.

¹⁵⁾ Членъ въ общество исторіи и древностей российскихъ за 1862 г., кн. № 1, Путешествія Марко Поло, гл. 50, стр. 189, притч. 189: «Членъ макратовъ встрѣчается подъ именемъ меркитовъ и маркеговъ очень часто въ татарской исторіи; иль земля била одинъ изъ первыхъ завоеваний Чингисхана. Точно обозначить ее нельзя, но чтобъ она лежала далеко на северѣ, можно заключить изъ одного места въ L' Hist. gen. des huns, гдѣ идеть речь о пораженіи паймановъ и разсѣяніи ихъ, государей, тамъ сказано: „всѣ обратились въ бѣгство и направились къ рекѣ Иртышу, гдѣ укрѣзались и составили сильную сторону, которой помогать Токтабегу, хану меркитовъ“. Чуге XV, р. 23. Меркиты, кажется, состояли изъ многихъ ордъ, бродившихъ въ степяхъ Сибири. Поло, вѣроятно, не посещалъ этихъ странъ и говорить о нихъ только со словъ другихъ. Можно полагать, что подъ меркитами вообще надо разумѣть сибирскихъ кочевниковъ».

пыхъ рыбой и дичью; сосѣдство океана; убой облопи-
лой дичи; порода оленей, употребляемыхъ для перво-
вой щады и вмѣстѣ въ пищу, за неимѣніемъ ни хлѣба,
ни вина; переселеніе итицъ и звѣрей на зиму по при-
чинѣ невыразимой стужи; соколы-голубятники и бѣлыя
курошатки, хотя послѣдній описанны не довольно ясно:
все это очаровываетъ знатока Сибири поразительною
вѣрностью изображенія. Все это и теперь тамъ точно
также, какъ было паздѣ тому столѣтія, и надо удивляться, какъ въ горахъ, близкихъ къ океану, въ кото-
рыхъ водится много коршуновъ и соколовъ-голубятни-
ковъ, давно не призывали сѣверного Урала. Къ сожалѣ-
нію, трудно сказать, какой именно разумѣется у Мар-
ко Поло прибрежный острогъ, откуда его ханское вели-
чество получалъ кречетовъ, сколько лѣтъ ему было уго-
дно: одинъ ли изъ мелкихъ острововъ, или Вайгачъ,
или даже Новая Земля^{16).}

Сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе объ общемъ характерѣ извѣстій Марко Поло о сѣверѣ Азии. Нельзя сказать, чтобы эти извѣстія знаменитаго путешественника отличались большою точностью. Многого изъ описанаго имъ онъ видѣть не могъ, но писать по слухамъ и рассказамъ; отсюда главнымъ образомъ происходить неясность въ обозначеніи географического положенія странъ. Но, во всякомъ случаѣ, сѣдѣнія Марко Поло весьма цѣнны, такъ какъ изъ нихъ узнаемъ пѣкоторыя интересныя подробности о странахъ сѣверной Азии и ея обитателяхъ второй половины XIII столѣтія. Напримеръ, изъ этихъ извѣстій видно, что во второй половинѣ XIII вѣка проходили торговые сно-
шения внутренней Азіи и отчасти Русской земли, съ одной стороны, и обитателей сѣвера Азіи, съ другой. Марко Поло въ описаніи своихъ путешествий представилъ, по своему времени, важныя сѣдѣнія обѣ отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ странахъ сѣверной Азіи, но эти извѣстія не принесли пользы ни его современникамъ, ни послѣдующимъ поколѣніямъ, и долго еще послѣ Марко Поло, несмотря на его достопріорное со-
общеніе о сѣверной Азіи, страна эта скрывалась подъ покровомъ баснословности.

¹⁶⁾ Путешествіе на северъ и востокъ Сибири, А. Миддендорфа, ч. I, отд. I, стр. 63.

III.

Іванъ Шильбергеръ.

Съ 1394 года по 1427 годъ иѣкотория страны Европы, Азіи и Африки посѣтилъ іѣмець Иванъ Шильбергеръ. Онъ находился въ военной службѣ у разныхъ восточныхъ владѣтелей. Шильбергеру, во время его странствованій, случилось посѣтить и Сибирь. Обстоятельство, приведшее Шильбергера къ путешествію въ эту страну, онъ объясняетъ такимъ образомъ. «При Абубекирѣ, сынѣ Мираим-шаха, завладѣвшемъ завѣщаніемъ отъ Великої области Гуріе, находился королевскій сынъ¹⁷⁾ изъ Великой Татаріи. Этому принцу было предложено возвратиться на родину для занятія тамъ престола. Съ согласія Абубекира онъ отирился туда въ сопровождениі 600 всадниковъ, въ числѣ коихъ находился и я съ 4 товарищами¹⁸⁾... Королевскій сынъ перешелъ въ Великую Татарію къ вельможѣ, именемъ Едигей, который послалъ ему предложеніе возвратиться для занятія тамъ престола. Едигей готовилъся тогда къ походу въ страну, именуемую Сибирь (Jissiburg)¹⁹⁾.

Затѣмъ, Шильбергеръ говоритъ о самой Сибири, вріемъ сообщающей иѣкотория свѣдѣнія о горахъ этой страны, о дикихъ горныхъ обитателяхъ, о животныхъ и, наконецъ, съ єздѣ на собакахъ.

«Вышеупомянутый королевскій сынъ, по имени, Чекре Zegre, Zegra), пишетъ Шильбергеръ,— провожалъ Едигея въ Сибирь. Онишли два мѣсяца до прибытія въ эту страну, гдѣ есть горы, простирающіяся на 32 дни ходьбы. По разсказамъ туземцевъ, горный хребетъ этотъ примыкаетъ къ пустынѣ, доходящей до окончности сѣвѣра и въ которой люди не могутъ охотиться, ио причина дикихъ животныхъ и змѣй, которая въ ней

¹⁷⁾ По объясненію Бруно, подъ этиль королевскимъ сыномъ слѣдуетъ разумѣть Чекре, отъ которого сохранились монеты, битыи съ 1414 по 1416 г., въ Орѣ, Болгарѣ, Астрахани и Сараѣ. Зап. Новоросс. Унів., годъ I, томъ I, Одесса, 1867, стр. 30, приѣтъ, къ главѣ XXV Путешествія Шильбергера.

¹⁸⁾ Записки Новороссийскаго университета, годъ I, томъ I, Одесса, 1867. Путешествія Ивана Шильбергера по Европѣ, Азіи и Африкѣ съ 1394 по 1427 годъ. Перевѣтъ съ іѣм. яз. въ снабдитель приложіями Ф. Бруно. Гл. XXV, стр. 30.

¹⁹⁾ Ibidem, гл. XXV, стр. 33.

водятся. Въ самихъ же горахъ живутъ отдѣльными семействами дикари, не имѣющіе постоянныхъ жилищъ. На всемъ тѣль своемъ, кроме лица и рукъ, они покрыты полосами и, подобно другимъ животнымъ, скитаются по горамъ, питаясь травой и всемъ, что имъ попадаетъ подъ руки. Изъ этихъ дикарей памѣстникъ края послать Едигею мужчину и женщину²⁰⁾, которыхъ словили въ горахъ, гдѣ водятся также лошади, которыхъ ростомъ не бываютъ большие ословъ. Эта страна изобилуетъ также разными видами животныхъ, которыхъ воине не встрѣчаются и въ Германіи и коихъ не могу именовать. Тутъ водятся также собаки, величиной съ осла, которыхъ запрягаютъ въ повозки и сани и которыхъ также употребляются для перевозки чемодановъ (т. е. тюковъ съ товарами)»²¹⁾.

Далѣе, по сообщенію Шильбергера, «въ этой странѣ (Сибири) съвѣтъ только просо (Weizen), и хлѣба во всѣ не єдятъ»²²⁾.

Наконецъ, Шильбергеръ передаетъ иѣкотория свѣдѣнія о религіи обитателей Сибири и обѣ однѣмъ странномъ похоронномъ обычай «Замѣчу также,—говорить путешественникъ,— что туземцы поклоняются Христу, на подобіе трехъ царей, принесшихъ для присоединенія ему жертву въ Виолеемъ, гдѣ видѣли его въ ясіяхъ. Поэтому можно видѣть въ ихъ храмахъ изображеніе Христа, представленного въ такомъ видѣ, какъ его застали три царя, и предъ этими образами они молятся. Принерженцы сего толька паничаются угнѣмъ, идіне²³⁾; они въ Татаріи встречаются въ большомъ числѣ. Въ этой странѣ существуетъ также обычай, что, въ случаѣ смерти молодаго человѣка неженатаго, на него наѣзываютъ лучшія пластина его и кладутъ его въ гробъ, покрытый балдахиномъ. Затѣмъ, являются молодые люди въ праздничныхъ нарядахъ и несутъ его до могилы, въ сопровождениі музыкантовъ, которые играютъ и возютъ веселая пѣсни. За ними следуютъ родители и

²⁰⁾ По предположенію Бруно (ibid., стр. 35), слухъ о пикнукѣ людяхъ изъ Сибири, покрытыхъ шерстью, подобно звѣрямъ, могъ возникнуть оттого, что туземцы, защищаясь отъ суроваго климата, носили шубы павловоротъ, яхомъ наружу.

²¹⁾ Ibidem, гл. XXV, стр. 34 и 35.

²²⁾ Ibidem, гл. XXV, стр. 35.

²³⁾ По иѣмцю Нейману и Бруно, Шильбергеръ разуяль подъ именемъ идіне посѣдователей ламанза, т. е. модификація буддизма, именованаго Чингись-Ханемъ изъ Тибета въ Монголію.

приближенные усопшаго, которые, уже наоборотъ, рѣдаютъ и жалуются. Послѣ погребенія приносятъ къ могилѣ кушанья и паникада, коими наслаждаются, веселясь, молодые люди и музыканты; родители же и пріятели ихъ спѣдятъ отдельно и продолжаютъ жаловаться. Наконецъ, всѣ ихъ провожаютъ домой, и тѣмъ оканчивается церемонія, которая должна представить празднованіе снадьбы умершаго, если бы онъ не скончался.²⁴⁾

Въ концѣ кояцовъ Шильбергеръ прибавляетъ: «все это я видѣлъ своими глазами, когда находился при выше упоминутомъ королевскомъ сынѣ Чекре»^{25).}

Въ приведенномъ землеописаніи Шильбергера дѣло идетъ вообще о сѣверной Азіи, о Сибири. Горный хребеть протяженіемъ на 32 дни шту (но всей вѣроятности, Уральскія горы), дикіе обитатели этихъ горъ, не знающіе хлѣба, а питаютціяся тѣмъ, что Богъ пошилъ, бѣда на собакахъ, олени (о послѣдніхъ Шильбергеръ говоритъ какъ о лошадяхъ, которыя ростомъ, не бываютъ больше ословъ), — всѣ эти условія сильно напоминаютъ сѣверную Сибирь. Въ одномъ мѣстѣ своего описанія Сибіри Шильбергеръ говоритъ, что въ этой странѣ хлѣба не єдятъ, а сѣютъ для ивщи просо. Въ этомъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ предѣлы южной Сибири, такъ какъ только въ этихъ мѣстахъ могло сѣяться просо. Наконецъ, изъ путешествія Шильбергера узнаемъ одинъ интересныи фактъ. А именно, перечисляя города Великой Татаріи, онъ между ними упоминаетъ также городъ Сибирь^{26).} Такимъ образомъ, этотъ городъ уже существовалъ въ началѣ XV столѣтія.

IV.

Матвій Мѣховскій.

Однимъ изъ первыхъ иностранцевъ, который печатно передалъ Европѣ точныя сѣвѣрнія о Россіи, былъ польскій лѣтоискусецъ Матвій изъ Мѣхова, или Мѣхонскій. Сочиненіе его *Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis* появилось въ 1517 году. Въ этомъ сочиненіи также встречаются кое-какія сѣвѣрнія о землѣ Югорской и вообще объ отдаленномъ сѣверѣ русской Европы и Азіи.

²⁴⁾ Записки Новороссійскаго университета, годъ I, томъ I, Одесса, 1867. Путешествіе Ивана Шильбергера по Европѣ, Азіи и Африкѣ съ 1394 по 1427 годъ. Перев. съ пѣм. яз. и снабдилъ примѣчаніями Ф. Бруно, гл. XXV, стр. 35 и 36.

²⁵⁾ Ibidem, гл. XXV, стр. 36.

²⁶⁾ Ibidem, гл. XXXVI, стр. 56.

Въ статьѣ *De regionibus Scythiae Perm, Baskird, Juhra et Corela*, рег. дисеми *Moscoviae subjungatis* (о скинскихъ странахъ, покоренныхъ княземъ московскимъ, о Нерми, Башкирии, Югрѣ и Корелѣ) Матвій Мѣховскій разсказываетъ слѣдующее. Нермы, Башкирия, Югра и Корела «продолжаютъ коснѣть въ язычествѣ и поклоняться идоламъ. Эти народы чтутъ солнце, луну, звѣзды, вѣтрѣ и прочіе разные предметы. Говорятъ они на особенныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ... Въ Югрѣ — также особенное нарѣчіе. Въ этихъ странахъ не пишутъ, не сѣютъ, не знаютъ ни хлѣба, ни денегъ; питаются лѣсными животными, которая у нихъ имѣются во множествѣ; пьютъ только воду. Живутъ въ непроходимыхъ лѣсахъ, устроивая себѣ малапи изъ вѣтвей. Тѣ земли сплошь покрыты лѣсами, плюди, подъ влияніемъ такой обетаповки, одичали и стали похожими на звѣрей. Одичавшіе обитатели не пользуются никакими удобствами: о шерстяныхъ одѣждахъ и попѣтіи не имѣютъ, а облекаются въ грубый и грязный шкуры, надѣвая ихъ на себя безъ всякаго разбора и добывая ихъ охотою на разныхъ звѣрей, какъ то: позконы, олени, медведи... вообще какого звѣря Богъ пошилъ. Такъ какъ эти люди еще не открыли въ своей землѣ никакихъ металловъ, то и дань московскому князю платить не металлами, а шкурами разныхъ звѣрей, которые у нихъ имѣются въ изобилии. Народы, живущіе близъ береговъ Сѣвернаго океана, какъ, напримѣръ, юкты (югры?) и корелы, занимаются рыболовствомъ, а также охотится на китовъ и на морскихъ коровъ и собакъ (тиденей), которые на ихъ языкахъ называются *vog vol*²⁷⁾. Изъ кожи ихъ выдѣлаиваютъ уиржныя принадлежности, охотничью тепеста и силки, сало же сберегаютъ... и прощаютъ. Въ Югрѣ и Корелѣ встрѣчаются кое-какія горы посредственной высоты, а не величайшія, какъ объ этомъ думали и писали ишкоторые. На горы, примыкающіе къ Сѣверному океану и не представляющія выдающихся вершинъ, вѣзаютъ изъ океана рыбы, называемыя моржами. Эти животныи, придерживаясь при помощи зубовъ, постепенно ползкомъ подвигаются впередъ по горѣ до самой ея вершины и, добравшись такимъ образомъ до самого высокаго пункта горы, они

²⁷⁾ Тутъ, какъ-кажется, подъ *vog vol* нужно разумѣть ворвань. У писателя, какъ видно, благодаря скучнымъ сѣкундамъ, произошло смѣщеніе части съ цѣлымъ: ворвань, называя про-дукта, добавляя къ нѣму тиленей, принято иль за название са-мыхъ тиленей.

перебрасываются въ-деть на другой ея склонъ. Жители тут ловятъ моржей и получаютъ такимъ образомъ белые моржевые зубы довольно длиные, широкие и крѣпкие; эти зубы идутъ въ Москвию въ видѣ даннической платы или въ продажу. Москвитяне же, въ свою очередь, извлекаютъ изъ нихъ пользу: они перепродаютъ эти зубы въ Татарію и Турцию, для приготовленія изъ нихъ черенковъ для мечей, копий и ножей. Рукоятки изъ моржевыхъ зубовъ благодаря своей массивности, содѣйствуютъ нападенію очень тяжелаго и сильнаго удара и поэтому оказываются очень пригодными для людей, наносящихъ удары, работающихъ, сражающихся и убивающихъ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть... что Югра это та самая скианская страна, откуда вышли югорчи, воислѣдствіи получившие название гунновъ и венгронъ. Эти пешагры, вступивъ въ Готскую землю, чрезвычайно увеличили численный составъ своей толпы; они перешли черезъ величайшія реки около Менѣтійскихъ болотъ и вступили въ Паннонію. На обратномъ пути (изъ Западной Европы) венгры, занявъ Паннонію, овладѣли ею и до настоящаго времени удерживаются за собой эту страну. Венгры говорить тѣмъ же югорскимъ языкомъ, съ прерывистымъ пафоворомъ; разница только въ томъ, что наши венгры усвоили некоторые слова изъ славянскаго языка, а именно названія тѣхъ предметовъ, которые не встречаются въ Скії и Югре. Въ Панноніи югорчи стали уже христіанами, въ Югре же ихъ современники коснѣютъ въ изысканіяхъ. Венгры въ Панноніи пользуются завиднымъ комфортомъ, отличаются очень большими образованіемъ, живутъ среди всевозможной роскоши, а на родинѣ ихъ единоплеменники грубы, остаются народомъ дикимъ и, живя въ самой холмистой странѣ, влачатъ вообще очень жалкое существование. Наконецъ, замѣтили, что въ упомянутыхъ скианскихъ странахъ, расположенныхъ при Сѣверномъ океанѣ, нетъ большихъ рекъ; есть тамъ кое-какіе холмы въ горы незначительной высоты; но совсѣмъ неѣть высочайшихъ и неизступныхъ горъ, какъ обѣ этомъ рассказывали и писали некоторые древнійшіе историки. Поэтому, сообразно съ фактами, слѣдовало бы сказать, что венгры вышли изъ лѣсовъ и непроходимыхъ лѣсѣй, а не изъ центральной горной страны.²⁶⁾

²⁶⁾ Historiae Ruthenicae scriptores exteri facculi XVI. Collegit et ad veterum editionum fidem edidit Adalbertus.

Матвій Мѣхонскій, подобно другимъ средине вѣковымъ писателямъ, передавшимъ сибѣдній о сѣверо-западной Азії, упоминаетъ обѣ идолы Золотой Бабы; по этому поводу онъ говоритъ: «...далѣ за Вяткой въ Скії находятся огромный идолъ, именуемый Золотая Баба, которому поклоняются племена, соединенные этой странѣ. никто не проходитъ мимо, не прикасается къ какой побудь жертвы: даже и охотники, преслѣдуя зайца въ окрестности, останавливаются для этого передъ тѣмъ идоломъ. Обычай одарять его до того тамъ укоренился, что если у прохожаго быть съ собою цѣнной вещи, то онъ считаетъ обязанностью съ благоговѣніемъ принести въ жертву лоскутокъ отъ звѣриной шкуры, или даже перстинку изъ своего плаща; проходить же мимо безъ подарка во всякомъ случаѣ считается дѣломъ грѣховнымъ»²⁷⁾.

Въ напечатаніи при книгѣ Мѣхонскаго (3-го изданія) письмѣ его къ ея издавателю Іоганну Галлеру изъ Краковъ находится разсказъ о беззакатномъ солнце и безконечныхъ почахъ нашего отдаленнаго сѣвера.

«Въ самыхъ сѣверныхъ странахъ, прилежащихъ къ Сѣверному океану, — пишетъ Мѣхонскій, — дни лѣтомъ бываютъ необыкновенно длинны; ночи же такъ коротки, что ихъ тамъ почти совсѣмъ неѣть, потому что солнце постоянно вращается тогда надъ сими странами и при заходѣніи своемъ скрывается очень ненадолго, или, лучше сказать, оно тамъ въ все не заходитъ, такъ что свѣтъ отъ него остается постоянно, болѣе или менѣе, на небосклонѣ и даєтъ возможность желающимъ читать (sic) и трудиться. Тѣмъ ближе къ лѣгиему солнцестоянію, тѣмъ продолжительнѣе сіяетъ солнце, тѣмъ дольше становится дні, а во время самаго солнцестоянія только оно и бываетъ видно для глаза; звѣзды же исчезаютъ и не появляются уже на небосклонѣ. Такое беззакатное сіяніе солнца и отсутствие звѣздъ

de Starczewski. Vol. I. Berolini et Petropoli. 1841. Matthias a Michovia. De regionibus Scythiae Perim. Baskird, Juhra et Corela, per ducem Moscoviae subjungatis. Pag. 5. Не имѣя возможности пользоваться этими, въ Сибири, надлежащими учеными способами, памъ пришлось некоторыя слова (sabellis et scismis) оставить безъ перевода, а другія, какъ reda и caleta, перевести гадательно. Вирочеясь, это не можетъ имѣть въ данномъ случаѣ серьезнаго значенія.

²⁷⁾ Отеч. Зап. 1854, № 12. Библиографическіе отрывки. III, стр. 150—151.

продолжается въ тѣхъ странахъ оть днія святыхъ Филиппа и Іакона, т. е. оть 1 мая, до днія св. Іакона апостола, котораго память празднуется въ концѣ июня. Зато около зимняго солнцестоянія ночи бываютъ тамъ самыя длинныя и самыя мрачныя, и дніи совсѣмъ почти неѣтъ. Въ эту пору солнце появляется лишь въ то время, когда небосклонъ очищается оть облаковъ, но и то не долѣе, какъ на одинъ какой нибудь часъ: оно тогда какъ будто подзѣть близъ земли, не будучи въ силахъ вознестишися иль нею. Потому около зимняго солнцестоянія всѣ работы производятся при фонаряхъ, точно также какъ въ христіанскихъ областяхъ этого протяженія: въ Финляндіи. Готланіи и Норвегіи, вся церковная служба, а именно обѣдия и вечернее служение совершаются при свѣтахъ».³⁰⁾

IV.

Альбертъ Кампензе.

Розгнадецъ Альбертъ Кампензе (умеръ въ 1542 г.) написалъ къ папѣ Клименту VII интересное письмо о дѣлахъ Московіи, о которыхъ онь узналъ отъ своихъ отца и брата, долго жившихъ въ Москвѣ. Письмо это относится къ 1523 или 1524 году. Кампензе передаетъ сѣфвій о горахъ Уральскихъ, о земляхъ Югорской и Богульской въ обѣ однѣмъ самомъ сѣверномъ татарскомъ племени.

Описывая крайніе предѣлы сѣверо-востока Европы и сѣверо-запада Азіи, онъ говоритъ: «Местопія яростриается далеко за Тананіе, составляющій границу Европы и Азіи, и даже за Ра (т. е. Волту), величайшую изъ рѣкъ Азіатской Сарматіи, вилотъ до Гиперборейской Скоїи (нынѣшней Сибири), лежащей на сѣверо-восточномъ краю Азіи. На семъ пространствѣ обитаютъ многіе народы, а именно: югры (jungri), карелы (corelli), печоране, ногуличи (valulzani), башкиры (baschiridi) и черемисы (czeremissi). Въ недавнемъ времени всѣ они покорены Москвию великимъ княземъ Иоанномъ (Ivan), предшественникомъ нынѣшняго царствующаго великаго князя Василія. Несколько далѣе ихъ къ сѣверо-востоку, также по ту сторону Ра, сопредѣльно съ княжествомъ Суздалскимъ, живутъ ноги или западные татары, составляющіе самое сѣверное племя изъ всего татарскаго народа»³¹⁾.

³⁰⁾ Ibidem. стр. 151.

³¹⁾ Библіотека иностранныхъ писателей о России. Спб. 1836 Т. I. Письмо Альберта Кампензе, гл. I, стр. 15.

Далѣе, Кампензе сообщаєтъ нѣкоторыя подробности относительно пещеръ, ногуличей и югрічей, причемъ точнѣе, чѣмъ въ выше приведенномъ отрывкѣ, обозначаетъ мѣста пребыванія этихъ народовъ. «Къ сѣверо-востоку отъ Москви,— пишетъ Кампензе,— за Вяткою и Устюгомъ, въ разстояніи пяти сотъ иѣмѣцкихъ миль, живутъ печоране и ногуличи, народы племена скинскаго. Незадолго передъ этимъ великий князь Иоаннъ, предшественникъ нынѣшняго царствующаго князя Василія, покоривъ ихъ своему владычеству, принудилъ креститься и исповѣдовать Христа, и далъ имъ въ духовные наставники греческаго епископа, или владыку (vladico). Говорить, что по отбытии великаго князя пещораны сквишили этого епископа, содрали съ него кожу и потому умертвили въ жесточайшихъ мученіяхъ. Князь, узнавъ о семъ, носившіи помѣрился наездъ, казнивъ зачинщиковъ бунта и, дать имъ другаго епископа, снова обратилъ ихъ къ иѣрѣ христіанской. За печоранами и ногуличами, по берегу Сѣверного океана, живутъ другія скинскія племена, какъ то: югры, карелы, башкиры и черемисы. Всѣ они находятся подъ властію московитіи, но доселе еще коснѣютъ на идолопоклонствѣ»³²⁾.

Наконецъ, Кампензе говоритъ вѣсколѣко словъ по поводу баснословныхъ горъ Гиперборейскихъ. «Рѣки Москви,— пишетъ онъ,— берутъ начало свое въ мѣстахъ извѣснныхъ, болотистыхъ и лѣсистыхъ, а не въ тѣхъ баснословныхъ Рифейскихъ и Гиперборейскихъ горахъ, которая произвѣло воображеніе грековъ и которыхъ никто еще не видѣлъ въ природѣ: ибо во всей Москвиї не встрѣтишь ни одного пригорка, развѣ только на берегахъ Сѣверного и Скинскаго океановъ, где обитаютъ югры, карелы, башкиры и черемисы. При семъ случаѣ не могу довольно надѣваться дерзости нашихъ географовъ, которые безъ стыда и совѣсти рассказываютъ неѣрѣтическія вещи о Рифейскихъ и Гиперборейскихъ горахъ, въ коихъ, по утверждению ихъ, берутъ начало свое рѣки Москви. Все это столько же справедливо, какъ и то, что повѣствуютъ они обѣ обѣихъ Сарматіяхъ и вообще о странахъ сѣверныхъ. Стоитъ только подобно мнѣ слышать показанія ихъ съ рассказами покѣнныхъ путешественниковъ, чтобы виолицъ удостовѣриться въ ихъ безстыдствѣ»³³⁾. Какъ оказывается, самъ Кампензе, опровергая одно заблужденіе,

³²⁾ Ibidem. стр. 26.

³³⁾ Ibidem. стр. 29.

впаль въ другое; оно имѣлъ самое неясное представление о горахъ Уральскихъ. Изъ приведенныхъ есть письма Каменеze видно, что съѣздій писателя о Зауральскомъ краѣ, полученный вмѣстъ лиць, долго жившихъ, по его словамъ, въ Москвѣ, весьма скучны.

VI. Павелъ Іовій.

Павель Іовій Новокомскій, епископъ Пощерскій, составившій описание Московіи на основаніи съѣздій, полученныхъ имъ въ 1525 году изъ Рима отъ Дмитрія Герасимова, послы великаго князя московскаго Василія III сообщаетъ въ своемъ сочиненіи также, какъ въ Каменеze, скучныя извѣстія о странахъ и обитателяхъ Сѣверо-западной Азіи. Павель Іовій писалъ свое сочиненіе со словъ русскаго. Отсюда ясно, что въ самихъ русскихъ не обзывали точными съѣздійми о Зауральскомъ краѣ.

«Къ Сѣверу отъ Московіи,— пишетъ Іовій,— обитаются безчисленныя племена, подвластныя московитянамъ и занимающія все пространство до Синего океана, на расстояніи трехъ мѣсяціи пути³⁴⁾. Далѣе, Іовій, говоря о торговлѣ въ городѣ Устюгѣ, называетъ часть этихъ «безчисленныхъ племенъ». Въ 600 миляхъ отъ Москвы, тамъ где рѣка Югъ впадаетъ въ Двину, — пишетъ Іовій, — лежитъ торговый городъ Устюгъ. Туда приѣзжаютъ нермы (регії), печера (ресеррі), юри (иуигрі), ногуличи (иуgilicі), ишкоже (рішагі) и другие отдаленнѣйшіе народы и провозгти съ собою дорогіе мѣха (какъ то: куніцъ, соболей, волковъ, оленей и черныхъ и белыхъ лисицъ)³⁵⁾.

Затѣмъ, Іовій говоритъ о пути, ведущемъ въ земли югричей и ногуличей, въ горахъ Уральскихъ. «Въ страну югровъ и ногуличей,— пишетъ Іовій, — лежить путь черезъ непроходимыя горы, вѣроюто, тѣ самыя, которыя въ древности именовались Гиперборейскими. На вершинахъ ихъ ловить превосходныхъ соколовъ, между коими особенно замѣтательна родь белыхъ соколовъ съ нестранными перьями, извѣстный подъ названіемъ юговъ. Тамъ же водятся юрофалки, испрѣятеліи цаплей, и разныя породы священныхъ перелетныхъ соколовъ, неизвѣстныя даже самымъ роскошнѣйшимъ государямъ».

³⁴⁾ Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Сиб. 1836. Т. I. Павелъ Іовій, стр. 29.

³⁵⁾ Ibidem, стр. 30.

древности, занимавшимся охотою на птицы (птицеловствомъ)³⁶⁾.

Наконецъ, Іовій говорить о народахъ, обитающихъ при океанѣ. Объ этихъ народахъ даже сами московиты, по словамъ Іовія, ничего не знаютъ. «Кромѣ народовъ, упомянутыхъ мною и идентичныхъ дань московскимъ царямъ,— сообщаетъ писатель,— есть еще племена, по отдаленности своей неизвѣстныя даже самимъ московитянамъ, ибо никто не доходитъ до океана. Объ нихъ знаютъ только по слуху и по рассказамъ купцовъ, большую частью баснословнымъ. Достоинъ только то, что Двина, прививающая въ себѣ безчисленный рѣки, съ большими стремлениемъ течеть къ Сѣверу, и что море, въ которое впадаетъ она, имѣть столь огромное протяженіе, что, придерживаясь праваго его берега, можно дойти до самого Китая, ежели не встрѣтится на пути какой либо новой земли³⁷⁾.

Іовій говоритъ также о татарахъ, обитающихъ на востокѣ отъ Москвы, и въ этомъ числѣ о шибанскохъ татарахъ, жившихъ въ землѣ Сибирской. «На востокѣ отъ московитян,— сообщаетъ писатель,— живутъ скіты, именуя называемые татарами, народъ кочевой и сълавшихъ именемъ славящійся скопьемъ воинственнымъ характеромъ. Телѣги, покрытые войлоками и кожами, служатъ имъ вмѣсто домонъ и этотъ обратъ жизни еще въ древности приобрѣлъ имъ название амазонокъ (иначаховіос). Вмѣсто городовъ имѣютъ они обширныя становища, не обведенія ни рвами, ни насыпями, по защищаемымъ безчисленнымъ множествомъ всадниковъ, вооруженнымъ стрѣлами. Татары раздѣляются на орды: это слово на ихъ языкѣ значитъ собраніе народа въ однѣ цѣлое, на подобіе государства. Каждою ордою управляетъ особенный вождь, избираемый по знатности рода или по воинскимъ доблестямъ. Побуждаемые честолюбіемъ, они часто ведутъ жестокія войны съ своими сосѣдями. Татарскихъ ордъ, какъ известно, находится безчисленное множество, ибо татары владѣютъ обширными степями, простирающимися до самого Китая, за мелкотой страны на берегахъ Восточного океана. Тѣ изъ татарскихъ племенъ, которыхъ ближе къ московитянамъ, извѣстны по торговымъ сношеніямъ своимъ и по частымъ набѣгамъ. Далѣе, въ Сѣверъ отъ Казани живутъ шибанскіе татары (Сиабані). сильные по своему много-

³⁶⁾ Ibidem, стр. 31.

³⁷⁾ Ibidem, стр. 31 и 32.

людству и обширинымъ стадамъ; а за ними ногацкіе татары, славящіеся въ настоящее время богатствомъ своимъ и воинской доблестю. Сія обширийшая орда не имѣть государя, но управляетъ, подобно Венеціанской республикѣ, благородными старцами и храбрыми мужами^{38).}

VII. Герберштейнъ.

Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, бывшій въ Россіи два раза: въ 1517 и 1526 годахъ, въ своихъ Запискахъ о Московіи сообщаетъ некоторыя сведения о Зауральскомъ краѣ и о путяхъ изъ Москви въ этотъ край. Сообщаемыя имъ обѣ этомъ изысканія получены отъ русскихъ; поэтому, знакомясь съ тѣмъ, что передается Герберштейномъ о сѣверо западной Азіи, мы въ то же время можемъ судить, насколько сами русскіе знали этотъ край въ первой половинѣ XVI столѣтія.

Сначала передадимъ собственными словами автора Записокъ о Московіи то, что онъ могъ узнать о странахъ сїверо западной Азіи и о путяхъ въ этотъ край. «Владѣнія московского князя, — сообщаетъ Герберштейнъ, — простираются далеко на востокъ и нѣсколько на сїверъ до тѣхъ мѣстъ, которымъ исчисляются дальше. Если кто отправляется туда изъ Москвы, тому надобно держаться болѣе употребительного и кратчайшаго пути отъ Устюга и Двины черезъ Нермю. Отъ Москвы до Вологды считается 500 верстъ, отъ Вологды до Устюга, направо, внизъ по рѣкѣ (Вологдѣ и потому) по Сухонѣ, съ которою (эта рѣка) сливаются, также 500 верстъ. Подъ городомъ Стрельце (Strelze), на двѣ версты ниже Устюга, съ ними сливается рѣка Югъ, текущая съ юга; отъ Устья до истоковъ считается болѣе 500 верстъ. Сухона и Югъ по своемъ сложніи получаютъ новое название — Днины. Потомъ по Днинахъ до Холмогоръ — 500 верстъ; ниже этого города въ восточнѣ дніяхъ пути Днина шестью устьями впадаетъ въ океанъ. Большая часть этого пути совершаются водою, ибо сухимъ путемъ отъ Вологды до Холмогоръ, съ переправою черезъ Вагу, тысяча верстъ. Недалеко отъ Холмогоръ впадаетъ въ Двину справа рѣка Нижега, текущая съ востока на пространствѣ 700 верстъ. Изъ Днины до мѣста, называемаго Николаевымъ (Nicolai), идутъ рѣкою Нижегой 200 верстъ; здѣсь, на пространствѣ полуверсты, суда пере-

³⁸⁾ Ibidem, стр. 24 и 25.

водятъ въ рѣку Кулой (Килью) ³⁹⁾. Рѣка же Кулой беретъ начало на сїверѣ изъ озера того же имени; отъ ея истоковъ до устья, которымъ она называется въ океанѣ, шесть дней путь. Держась праваго берега моря, приходится плыть мимо сѣльющихъ мѣстъ (possessiones): Stannische (?), Calubezscho (?) и Арии (?) Обогнувшись мысъ Chorogoski Nosz (?) и Stannische (?) Гатинскѣ (?) и Tolstickh (?) наконецъ входишь въ рѣку Мезень (Мезен), по которой надо плыть шесть дней до деревни того же имени, лежащей при устьѣ рѣки Несы (Piesza). Идя вверхъ по этой рѣкѣ оять вѣко, къ югоистоку, послѣ трехнедѣльного пути встрѣтишь рѣку Piescoya (?). Оттуда пять верстъ волокутъ суда изъ нихъ, вѣко, ведеть въ рѣку Rubischo (?), по которой можно дойти до рѣки Чирки (Circhio). Другое пять, кратчайшимъ, путемъ переволакиваютъ суда изъ озера прямо въ Чирку, изъ которой если только не задержать бури, изъ три недѣли приходить къ устью ямы рѣки Цыльмы (Csilma), впадающей въ большую рѣку Нечору, которая въ этомъ мѣстѣ простирается на двѣ версты въ ширину. Сиутившись въ Нечору, на шести дній доходитъ до города и крѣпости Пустозерска (Pustoosero) около которой Нечора шестью устьями впадаетъ въ океанъ ... Отъ устья Цыльмы до устья рѣки Усы (Ussa) одинъ мѣсяцъ пути Нечорою Уса же беретъ начало съ горы Земной Ноись (Roya Zemnoi), находящейся вѣко отъ лѣтнаго восхода, и течетъ изъ огромнаго камня этой горы, который называють Большими Камнемъ (Kamen Bolschoi). Ог҃ь истоковъ Усы до ея устьевъ считается болѣе тысячи верстъ. Нечора течетъ изъ этого сївернаго края съ юга; и отсюда три недѣли пути, если подниматься вверхъ отъ устьевъ Усы до устьевъ рѣки Щугура (Stzuchogora). Несловѣдимые дрожки (изъ которыхъ Герберштейнъ запомнилъ свои сѣдѣнія) говорили, что они отдыхали между устьями рѣкъ Щугура и Подчерема (Potzscheriem). и сложили запасы, привезенные ими съ собою изъ Россіи, у ближней крѣпости Stripii (?), которая лежитъ на русскомъ берегу, на правой руцѣ, въ горахъ. За рѣками Нечорой и Щугуромъ, въ горы Каменныи Ноись (Sainen royas) и у моря, на сїединихъ островахъ и около крѣпости

³⁹⁾ По современнымъ определеніямъ, ближайшее расстояніе между рѣками Куломъ и Нижегой равно 10 верстамъ. См. Зап. ист. фил. факульт. Имп. Сиб-скаго ун-та, т. XIII, изданіе о Герберштейнѣ, проф. Е. Е. Замысловскаго стр. 149.

сти Пустозерска, живутъ различныя и безчисленныя племена, называющіяся однимъ общимъ именемъ самояди (saianoged), т. е. самихъ себѣ Филящихъ. У нихъ много добывается птицъ и различныхъ звѣрей, какъ-то: соболей, куницъ, бобръ, горностасъ, белокъ, а въ океанѣ водится животное моржъ (mors)... кромѣ того, чесн (чесн); также белые медведи, волки, зайцы, синичи-дианы (?). киты и рыба, называемая семгой (seusis), и весьма мн. др. Эти племена не приходятъ къ Москвойю, ибо они дики и убѣгаютъ, сообщество и сожительства съ другими льдомъ. Отъ устья Щугура вверхъ по рѣкѣ до Pojassa (?) Artavuische (?), Сашені (?) и большаго Pojassa (?) — три недѣли пути. Потомъ на гору Камень (камен) нужно вѣходить три дня; спустившись съ нея, вдуть къ рѣкѣ Artavuischa (?), потомъ къ рѣкѣ Sibut (?), оттуда къ крѣпости Лерін (?), отъ Ленина къ рѣкѣ Сосѣвѣ (Sossa). По этой рѣкѣ живутъ ногуличи (nuogolici). Оставивъ Сосѣву вправѣ, достигаешь рѣки Оби (Обу), которая беретъ начало изъ Китайскаго озера (Kitaisko lacus). Черезъ нее они переправлялись сдва въ одинъ день, въ то при скорой Гадѣ; рѣка эта имѣеть почти 80 верстъ въ ширину ⁴⁰⁾. По ней живутъ также ногуличи и югричи (ugritzchi). Отъ Обской крѣпости вверхъ по рѣкѣ Оби до устья рѣки Иртыша (Irtische), въ которую впадаетъ Сосна.—трехмѣсячный путь. Въ этихъ мѣстахъ есть двѣ крѣпости Еромъ (Егоры) и Тюмень (Тибец), которыми управляютъ князья югорскіе (Domini Knesi Juhoriski, какъ говорятъ, данинки великаго князя московскаго. Тамъ водится много звѣрей и (добывается) весьма много мѣхонъ» ⁴¹⁾.

Дальше Герберштейнъ передаетъ иѣкоторыя подробности обѣ обитателяхъ Лукоморіи и разныхъ мѣстъ въ бассейнѣ рѣки Оби.

«Отъ устья рѣки Иртыша до крѣпости Грустини (Grustina), — пишетъ Герберштейнъ, — два мѣсяца пути; отъ нея до озера Китая (Kitai) рѣкою Обью, которая, какъ я сказала, вытекаетъ изъ этого озера, болѣе чѣмъ

⁴⁰⁾ Обозначеніе громадной ширины р. Оби (въ 80 верстъ) является такъ ошибочнымъ потому, что въ этоѣ случаѣ принимали Обскую губу за саму р. Обь. См. Зан. ист. фил. факультета Имп. Сиб. скаго Унив., т. XIII, изслѣдованіе о Запискахъ о Московскѣ, проф. Е. Е. Замысловскаго, стр. 149.

⁴¹⁾ Записки о Московскѣ барона Герберштейна. Съ латинскаго Базельскаго издания 1556 года перевѣлъ А. Анонимовъ. Сиб. 1866. Стр. 122—125.

три мѣсяца пути. Отъ этого озера приходять въ большомъ множествѣ черные люди, лишенные общаго (всѣмъ) дара слова ⁴²⁾; они приносятъ съ собой много товаровъ, преимущественно же жемчугъ и драгоценныя камни, которые покупаются грустинцами и сергионовцами. Они называются (лукоморцами) отъ Лукоморія (Lucomorya), лежащей въ горахъ, но другую сторону Оби отъ крѣпости Сергионова (Sergopova). Сказываютъ, что съ людьми Лукоморія происходитъ иѣчто удивительное и невѣроютое, весьма похожее на басню: какъ иносится служъ, они каждый годъ умпраются, именно 27 ноября, когда у русскихъ празднуется память св. Георгія, — и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну, большую частью около 24 апрѣля. Грустинцы и сергионовцы ведутъ съ ними торговлю необыкновеннымъ, неизѣстнымъ въ другихъ странахъ, способомъ. Ибо, когда у нихъ наступаетъ опредѣленное время умереть или заспать, они складываютъ товары въ известномъ мѣстѣ, а грустинцы и сергионовцы уносятъ ихъ, оставляя вмѣсто нихъ свои товары и дѣлая ровный размѣръ. Возвращаясь къ жизни, (лукоморцы) требуютъ назадъ свои товары, если лукоморцы находятъ, что имъ сдѣланы несправедливая оѣника: оттого возникаютъ между ними весьма часто ссоры и войны. По лѣвому берегу рѣки Оби, вплизъ, живутъ каламы (Calami populi), которые переселились туда изъ Обиовы (Obiouua) и Погозы (Pogosa). За Обью, у Золотой Бабы, гдѣ Обь впадаетъ въ океанъ, текутъ рѣки Сосѣва (Sossa), Березопна (Berezova) и Дашадимъ (Danadim, Надымъ?), которая всѣ берутъ начало изъ горы Камень Большаго Пояса (Сашен Bolschega Pojasa) и соединенныхъ (съ нею) скаль. Всѣ пароды, живущіе отъ этихъ рѣкъ до Золотой Бабы, называются данинками князя московскаго. Золотая Баба (Slata Baba), т. е. золотая старуха, есть вдоль устья Оби, въ области Обдора (Обдора); она стоитъ на правомъ берегу. По берегамъ Оби и около соединенныхъ рѣкъ разсѣяно много крѣпостей, которыхъ владѣтели, какъ слышно, всѣ подвластны князю Московскому. Рассказываютъ, или справедливѣ баснописи, что этотъ идолъ Золотой Бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держитъ сына въ утробѣ, и что тамъ уже снова видѣть другой ребенокъ, который, говорить, ей внукъ. Кроме того (упрѣгаютъ),

⁴²⁾ По толкованию Лерберга, люди, не знающие туземнаго языка.

что тамъ поставлены какие-то инструменты, которые издають постоянный звукъ, въ родѣ трубного. Если это и такъ, то, по моему мнѣнію, это дѣлается оттого, что вѣты сильно и постоянно дуютъ въ эти инструменты.

«Изъ Лукоморскихъ горъ вытекаетъ рѣка Коссинъ (Kossin), прѣ устьѣ которой находится крѣпость Коссинъ; ею прежде владѣлъ князь Венца (Knes Uenzta), а теперь его сыновья. Туда отъ истоковъ большой рѣки Коссинъ два мѣсяца пути. Вмѣстѣ съ этой рѣкою береть начало другая рѣка Кассина (Cassina) и, протекши чрезъ Лукоморію, впадаетъ въ большую рѣку Тахиниѣ (Tachini), за которую, по разсказамъ, живутъ люди чудеснаго вида: у однихъ, какъ у дикихъ звѣрей, все тѣло покосло волосами, у другихъ собачьи головы, у иныхъ совершенно пѣтъ шеи, на мѣстѣ головы грудь, пѣтъ ногъ, а длиныя руки. Есть и въ рѣкѣ Тахиниѣ одна рыба съ головою, глазами, носомъ, ртомъ, руками, ногами и пр., — по виду соперниченій человѣкъ, однако безъ всякаго голоса; она, какъ и другія рыбы, доставляетъ пріятную пищу»⁴³⁾.

Герберштейнъ приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о горахъ Уральскихъ и о странѣ Лукоморіи: «Горы около рѣки Нечоры называются Земной Поясъ (Sennoi Royas), т. е. поясъ мѣра или земли, ибо singulus — порусски поясъ. Отъ озера Китай получилъ название ханъ Китайскій (Chan de Cathaia), котораго москвиты называютъ китайскимъ царемъ. Ханъ у татаръ значитъ царь. Приморскія мѣста Лукоморіи лѣсисты; въ нихъ лукоморцы живутъ, не строя вовсе домовъ. Хотя составитель дорожника говорилъ, что весьма многія племена

⁴³⁾ Записки о Московії, стр. 125 и 126.—По поподу баснословныхъ разсказовъ о Сибири самъ Герберштейнъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Все, что я говорилъ до сихъ поръ, переведено мною дослѣдно изъ доставшагося мнѣ русскаго дорожника. Хотя и эти извѣстія нѣкоторое кажется баснословнымъ и сдѣла вѣроятнымъ, какъ-то о пѣмыхъ людяхъ, умирающихъ и оживляющихся, о Золотой Бабѣ, о чудовищныхъ формахъ людей и о человѣкообразной рыбѣ (о чёмъ я самъ старательно развѣдывалъ, но не могъ узнать ничего вѣрнаго ни отъ кого, кто бы это видѣлъ своими глазами, хотя вскій ссыпался на всеобщую молву, что это дѣствительно такъ), — тѣмъ не менѣе я не хотѣлъ ничего проигнорировать, чтобы другимъ доставить случай глубже изслѣдоватъ это дѣло, почему я и употребляю названія мѣсть тѣ самыя, которыя употребляются у русскихъ». (Зап. о Московії, стр. 126).

Лукоморіе подвластны князю Московскому; однако, такъ какъ вблизи находится царство Тюмень, государь котораго татаринъ и на ихъ языкѣ называется тюменскимъ царемъ (Timenski Czar), т. е. rex in Timen, и такъ какъ онъ не очень давно нанесъ большой уронъ Московскому князю, — то право подобиѣ, что эти племена подвластны ему, потому что онъ имъ близкій со-сѣдъ⁴⁴⁾. На рѣкѣ Нечорѣ, о которой идетъ рѣчь въ дорожникѣ, стоитъ городъ п крѣпость Папинъ, или Папиновъ городъ (Papin, seu Papinoiugorod), жители котораго называются папинами и имѣютъ языкъ отличный отъ русскаго⁴⁵⁾. За этой рѣкой (Нечорой) до самыхъ береговъ (океана?) тянутся высочайшія горы, которыхъ вершины по причинѣ постояннаго вѣтровъ совершенно голы, даже не одѣты травой. Хотя эти горы въ разныхъ мѣстахъ имѣютъ разныя названія, однако вообще называются Земнымъ Поясомъ. На этихъ горахъ вьютъ гиѣзда соколы особой породы. . Ростуть тамъ также кедры, около которыхъ водятся самые черные соболи. Во владѣніи князя московскаго можно замѣтить только одинъ эти горы, вѣроятно это тѣ, которыхъ у древнихъ смыли Рифейскими, или Гинерборейскими горами. Такъ какъ онъ постоянно покрыты сѣромъ и льдомъ, и переходъ черезъ нихъ очень труденъ, то велѣдствіе этого обласи Енграпеландъ совершенно неизвѣстна.

Князь московскій Василій Іоанновичъ иѣкогда посыпалъ черезъ Нермію и Нечору двухъ своихъ воеводъ, Симеона Федоровича Курбскаго, прозывающагося такъ отъ своего наслѣдственнаго помѣстья, изъ рода князей Ярославскихъ, и князя Петра Ушатаго (Uschatoi), для изслѣдованія мѣсть за этими горами и для покоренія (туземныхъ) племенъ. Изъ нихъ Курбскій, иѣ бытность мою въ Московії, былъ еще въ живыхъ, и на мои разспросы объ этомъ отвѣчалъ, что онъ 17 дней взбирал-

⁴⁴⁾ По словамъ проф. Е. Е. Замысловскаго (Зап. ист.-фил. фак. Ими. Спб. унiv., т. XIII, стр. 418), Лукоморіе, гористая страна, «какъ можно догадываться, на основаніи указаній автора Записокъ о Московії, простиравалась по правой сторонѣ р. Оби, къ сѣверу отъ устьевъ Иртыша».

⁴⁵⁾ Эта же городъ (Папинъ) показанъ и на нѣкорорыхъ картахъ XVII вѣка; «а потому можетъ статься,—замѣчаніе Янкѣ,—что и существовало въ то время какое-нибудь урочище сего имени; но теперь оно вовсе неизвѣстно». (Ibidem, стр. 433).

ся на гору, которая на ихъ языкѣ называется Столпомъ (Stolp), т. е. колонной, и ее языки не могутъ достичь вершины. Эта гора вдается въ океанъ и простирается до самыхъ устьевъ Двины и Печоры.⁴⁶⁾

Затѣмъ Герберштейнъ сообщаетъ сиѣдѣнія собственno о Сибири и ея обитателяхъ: «За Камой лежитъ область Сибирь. Говорятъ, что Пермія (Permia) на востокѣ соприкасается съ татарской областью, название которой Тюмень..... Область Сибирь (Sibier) граничитъ съ Пермию и Вяткой, но имѣть ли какія инбудь крѣпости и города,—навѣрно не знаю. Въ ней береть начало рѣка Яикъ (Jaick), которая впадаетъ въ Каспійское море. Говорятъ, что эта страна пустыни по причинѣ близкаго сосѣдства съ татарами, а тѣми частями ея, которыхъ обработаны, владѣтъ татаринъ Шихмамай. Жители ея имѣютъ особенный языкъ; ихъ главный промыселъ—бѣличъ мѣха, которые больше и красивѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; однако въ то время мы не могли досгать въ Москвѣ ни одного такого мѣха»^{47).}

Далѣ Герберштейнъ пишетъ: «За Казанскими татарами прежде всего встрѣчаемъ татару, прозывающией ногами (Nogai); они живутъ за Волгой, около Каспійского моря, по рѣкѣ Нику, которая течетъ изъ области Сибири. У нихъ не цари, а князья. Въ наше времѧ этими княжествами владѣли три брата, поддѣльни області между собою поровну; первыи изъ нихъ, Шидакъ, владѣлъ городомъ Сарайчикомъ (Scharaitzick), на востокѣ за рѣкою Ра, съ страною, лежащею по рѣкѣ Нику; другой, Коссумъ, обладалъ исѣмъ, что заключается между рѣками Камой, Нику и Ра; Шихмамай, третій братъ, владѣтъ частью области Сибири и всею

⁴⁶⁾ Записки о Московії, стр. 127—128.

⁴⁷⁾ Ibidem, стр. 129, 130 и 131.—По словамъ проф. Е. Е. Замысловскаго, извѣстія Герберштейна о Сибири указываютъ на то, что подъ именемъ этой страны «въ первой половинѣ XVI вѣка разумѣли область пріуральскую, а упоминаніе о ней вслѣдь за Югрію дозволяетъ предполагать, что по сосѣдству съ нею, именно къ югу отъ нея, лежала та обширная область, которой русскіе въ это время присвоили название Сибири. На основаніи тѣхъ же извѣстій можно думать, что эта область, по первоначальному о ней представлению, занимала пространство неограниченіе болѣе значительное, чѣмъ то, которое занимало Сибирское царство». Съ этимъ нельзя не согласиться.

окрестиою страною. Шихмамай звачить святой или мощный ⁴⁸⁾). За Вяткой и Казанью, въ сосѣдствѣ съ Пермію, обитають татары, называющиеся тюменскими, шейбанскими и кайсацкими. Изъ нихъ тюменскіе живутъ въ лѣсахъ, и, какъ говорить, число ихъ не превышаетъ 10 тысячъ.^{49).}

О землѣ Югорской Герберштейнъ говоритъ слѣдующее: «Положеніе области Югры (Jugaria) известуетъ изъ вышеизказанного. Русскіе произносятъ (слово) Йаинга съ приданіемъ и называютъ народъ югричами (jungic). Это та Югарія, изъ которой вышли нѣкогда венгры (Hungari), заняли Паннонію и подъ предводительствомъ Аттилы покорили многія области Европы. Москвиты очень гордятся именемъ Югаріи, потому что ихъ подданные нѣкогда опустошили большую часть Европы. Въ первое мое посланство Георгій, по ированію Малый, родомъ грекъ, во времѧ переговоровъ, желалъ доказать право своего государя на великое княжество Литовское, королевство Польское и пр., говорилъ, что югари (Juhagi) были подданными великаго князя московскаго и сидѣли у Меотийскихъ болотъ; что потомъ они заняли Паннонію на Дунай, отчего она и получила имя Гунгаріи; что занеслѣдокъ (заняли они) Моравію, названную такъ по рѣкѣ. Польшу (имя которой происходит отъ слова) поле (Polle), что значитъ равнина; что (наконецъ) Буда названо ими по имени брата Аттилы. Я желалъ только передать то, что слышалъ. Говорить, что югари до сихъ поръ употребляютъ одинъ языкъ съ венграми; права ли это,—не знаю. Ибо, несмотря на мои старательные поиски, не нашлось ни одного человѣка изъ этой страны, съ которымъ могъ бы поговорить мой слуга, знающій повенгерски. Они также платить дань князю мѣхами. Хотя оттуда привозятся въ Москву жемчугъ и драгоценны камни, однако они собираются не на ихъ океанѣ, а въ другомъ мѣстѣ, преимущественно же привозятся съ морскаго берега близъ устьевъ Двины»^{50).}

«Ледовитое море на широкомъ пространствѣ тянется вдаль за Двиною до самыхъ устьевъ Нечоры и Оби, за которыми, говорятъ, находится страна Енграпеландъ (?). (Судя по) слухамъ, я (думаю), что она отчуждена отъ сношеній и торговли съ нами какъ по причинѣ высо-

⁴⁸⁾ Записки о Московії, стр. 150 и 151.

⁴⁹⁾ Ibidem, стр. 152.

⁵⁰⁾ Ibidem, стр. 130.

кихъ горъ, которые покрыты постоянными снѣгами, такъ и послѣдствіе постояннаго плавающаго по морю льда, который препятствуетъ навигаціи и дѣлаетъ ее опасною, а потому (эта страна) и незвѣстна⁵¹⁾.

Скажемъ теперь иѣсколько словъ о сѣдѣніяхъ Герберштейна о пути изъ древней Россіи черезъ Уралъ въ сѣверо-западную Азію, а также о другихъ его извѣстіяхъ объ обитателяхъ сѣверо-запада Азіи.

Хотя въ извѣстіяхъ Герберштейна о пути изъ Москви черезъ Уралъ въ сѣверо-западную Азію встрѣчается довольно много неясныхъ или даже совсѣмъ неустановленыхъ названій рѣкъ и населенныхъ мѣстъ, однако и изъ того, что сообщено Герберштейномъ, видно, что русскіе въ первой половинѣ XVI столѣтія обладали достаточными сѣдѣніями о сѣверномъ пути изъ древней Россіи черезъ Уральскія горы въ Азію. По словамъ Герберштейна, у него въ рукахъ былъ даже написанный маршрутъ этого пути, откуда онъ и заимствовалъ свои сѣдѣнія⁵²⁾. Мы не станемъ подробно разбирать направление всего пути, о которомъ говорить Герберштейнъ. Укажемъ только на темыя и сопричные названія иѣкоторыхъ мѣстъ.

⁵¹⁾ Ibidem, стр. 179—180.

⁵²⁾ Изъ русскаго дорожника,—говорить проф. Е. Е. Замысловскаго, —переводъ Герберштейна на латинской языке описаніе пути въ Нечору, Югру и къ р. Оби, заключающее въ себѣ рядомъ съ басенословными рассказами и достовѣрныя данія о наиболѣѣ значительныхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Сѣверный океанъ, о иѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ странахъ, прилегающихъ къ Уральскому хребту, и о животныхъ, которыхъ водятся въ этихъ странахъ. Когда именно было составлено это описание,—неизвѣстно. Можно, однако, съ достовѣрностью предполагать, что въ XVI вѣкѣ, до 1526 года, когда Герберштейнъ во второй разъ прибылъ въ Москву, или существовало иѣсколько описаний пути къ рр. Нечорѣ и Оби, или одно, первоначальное составленное, описание этого пути имѣло иѣсколько редакцій, такъ какъ еще во второй половинѣ XV вѣка русскіе, по повелѣнію великаго князя, предпринимали иѣсколько походовъ въ Югорскую землю. Такъ въ 1491 г. имѣ были посланы на р. Нечору Андрей Петровъ и Василій Иванович Болтины, съ пѣмцами Ильиномъ и Викторомъ искать серебряной руды, и „они нашли“, какъ сказано въ летописи, „руду серебряную и мѣдную въ величаго князи отчинѣ, на р. на Цильмѣ“.... По всейѣѣоятности, эти лица составили описание пути, ими пройденаго. Переведенное на латинской языке Герберштейномъ описание пути къ рр. Нечорѣ и

Говоря о морскомъ пути отъ устья Кулоя до устья рѣки Мезени, Герберштейнъ сообщаєтъ, что при этомъ приходится проходить мимо слѣдующихъ мѣстъ (possessions): Stannuvische, Calunczschlo, Арии, Chorogoski Nosz, Samenekh и Tolstickh. При первомъ взглядѣ, эти названія непонятны: можетъ быть, при внимательномъ изслѣдованіи и возможно будетъ открыть, что разумѣлось въ то время подъ этими терминами. Пока можно только предполагать, что эти названія означали незначительныя самоѣдскія и русскія прибрежныя поселенія или даже пустыни, вовсе не населенные и пристани, где какъ на станціяхъ останавливались суда, шедшія отъ рѣки Дини къ рѣкѣ Нечорѣ. Затѣмъ есть иѣкоторая сбивчивость въ извѣстіяхъ Герберштейна о пути, лежащемъ черезъ такъ называемый Незскій волокъ. Неза со своимъ волокомъ издавна служила важнымъ путемъ сообщенія между Мезеніемъ и Нечорою. Но этому волоку еще въ концѣ XV вѣка прошелъ съ войскомъ на Нечору воевода князь Ушатый. Неза образуется изъ слиянія рѣкъ Рочуги и Самосары. Объ составленіи вѣтши рѣки Незы берутъ начало на подораздѣлѣ Мезенской и Нечорской рѣчныхъ областей. Въ верховьяхъ Рочуги находится Незскій волокъ, 15-ти-верстный путь, ведущій черезъ упомянутый водораздѣлъ съ рѣки Рочуги на рѣку Чирку, притокъ Цильмы, впадающей въ Нечору. Но мнѣнію ученыхъ, подъ вѣстрѣющимися у Герберштейна названіями Piesza (Неза) и Piescoya (Незская) должно разумѣть одну и ту же Незу, подъ именемъ Kribichio — верхнюю рѣку Незы, Рочугу, подъ названіемъ Circho — рѣку Чирку, притокъ Цильмы.

Составители дорожника передавали Герберштейну, что между устьями рѣкъ Щугора и Подчерема есть крѣпость Strupili, где купцы, путешествовавшіе за Уралъ, отдыхали и складывали свои сѣверные запасы. Какое мѣсто нужно разумѣть подъ Strupili, сказать трудно. Путь отъ устья Щугора до Ляпинскаго городка означенъ пунктами, теперь также неизвѣстными: «Отъ устья Щугора вверхъ по рѣкѣ до Poiassa (?), Artavuische (?), Samen (?), и большой Poiassa (?) три недѣли пути. Потомъ на гору Камень (Самен) нужно всходить три дня; спустившись съ нея, идуть къ рѣкѣ Artavuischa (?), потомъ

Обы впервые знакомили Западную Европу со странами, ей сопришенно неизвѣстными». См. Зап. ист.-фил. факульт. Имп. С.-Петерб. унив., т. XIII, изслѣдованіе о Герберштейнѣ проф. Е. Е. Замысловскаго, стр. 84.

къ рѣкѣ Sibut (?), оттуда къ крѣпости Lepin (Липинъ).⁵³⁾ Названія рѣкъ Artavuischa и Sibut не напоминаютъ намъ названий какихъ нибудь изъѣстныхъ рѣкъ. Рѣка Обь, по извѣстіямъ Герберштейна, вытекаетъ изъ огромнаго озера Китая, подъ которымъ разумѣлось, по всей вѣроятности, озеро (порѣ) Дзайсангъ, или Зайсанъ, называвшееся у русскихъ Китайскимъ. Такимъ образомъ, не Иртышъ, а Обь вытекаетъ, по свѣдѣніямъ того времени, изъ Порт Зайсана. Трудно допустить, чтобы Герберштейнъ подъ верховьями своей рѣки Обу разумѣлъ настоящую Обь, а не Иртышъ. Въ случаѣ же, если допустить, что свѣдѣнія Герберштейна о верховьяхъ Оби были вѣрны, то придется Герберштейново Китай-озеро принимать только за Телецкое. Но это, какъ кажется, мало вѣроятно, такъ какъ Телецкое озеро есть небольшое нагорное озеро, изъ которого притомъ же рѣка Обь не вытекаетъ⁵⁴⁾. Вслѣдствіе такого смыденія Оби съ Иртышомъ, Герберштейнъ, какъ кажется, Тоболь съ Турюю принимаетъ за Иртышъ, на которомъ онъ означаетъ города Тимен (Тюмень, Чиги-тура) и Тегомъ (Еромъ, Неромъ, по объясненію Лерберга, городъ на мѣстѣ нынѣшняго Верхотурья). При этомъ Герберштейнъ говоритъ, что Еромомъ и Тюменью управляютъ князья югорскіе. Но въ другомъ мѣстѣ своихъ Записокъ о Московіи опять же говорить, что въ Тюмени живеть татарскій ханъ, который у русскихъ называется тюменскимъ царемъ⁵⁵⁾. Относительно этого разногласія въ извѣстіяхъ Герберштейна можно сдѣлать такого рода предположенія. Или писатель говоритъ обѣ одной и той же Тюмени, — въ такомъ случаѣ лучше придется извѣстіе его о томъ, что въ Тюмени живеть князь югорскій, совершенно игнорировать какъ неизвѣстное и допустить, что онъ говоритъ обѣ изъѣстныхъ мѣстахъ тюменскихъ, гдѣ имѣли мѣсто приѣбаніе сибирскіе ханы и сultапы; или же, какъ кажется, будетъ лучше принять существованіе двухъ Тюменей: одна Тюмень на Тавдѣ—югорская (остяцкая), другая на Турѣ—татарская.

⁵³⁾ Записки о Московіи барона Герберштейна. Съ латинскаго базельскаго изданія 1556 года перевѣлъ А. Анонимовъ. Сіб. 1866. Стр. 124.

⁵⁴⁾ Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири А. Миддендорфа, часть I, отд. I, стр. 32, о Герберштейновой Оби.

⁵⁵⁾ Записки о Московіи, стр. 127.

Извѣстія о серпоповцахъ и грустинцахъ⁵⁶⁾, обѣ обитателяхъ Лукоморія, умирающихъ 27 ноября и оживвающихся 24 апреля, о страшной, пѣмой торговлѣ, которую они ведутъ съ серпоповцами, о каламахъ, живущихъ по нижнему течению Оби на лѣвомъ ея берегу и вышедшихъ изъ Обювы (Obiouva) и Погозы (Pogosa), о Золотой Бабѣ, о рѣкѣ Коссельѣ въ крѣпости того же имени, чьѣ которой владѣтелемъ былъ когда то какой-то князь Венца (knes Venentza), послѣ котораго въ этомъ мѣстѣ князьями сдѣлались его сыновья, о рѣкахъ Кассимѣ и Тахнишѣ, обѣ уродливыхъ людяхъ, живущихъ за этой рѣкой, и о человѣкообразныхъ рыбахъ, водящихся въ этой рѣкѣ, — все эти извѣстія или искажены, или отвѣчаются совершенною баснословностію. Только названія: Sossa, Вегезуна, Danadis, Обдога, Cassima, напоминаютъ названія рѣкъ: Соева, Верезва (Верезовая), Натымъ, Казымъ, и название остицкаго древняго селенія или области Обдора⁵⁷⁾; при этомъ, однако, неизвѣстно, гдѣ слѣдуетъ искать рѣку подъ именемъ Верезва (Верезовая).

⁵⁶⁾ Грустинцы, во мнѣнію Лерберга (Изслѣдованія, стр. 33) — гаустинцы, «о которыхъ говорить Странсбергъ въ описании Сибири и остатокъ которыхъ отъ 200 до 300 душъ мужскаго пола нащель онъ близъ Томска живущими въ хижинахъ: они были татары, идолопоклонники. Въ Сибирской исторіи упоминается о нихъ при построеніи Томска въ 1604 г. Здѣсь названы они сунтиными и также показаны въ числѣ 300 человекъ; и тогда еще считали они себѣ главнейшимъ народомъ тамошней страны. Мнѣніе наше, что сунтины или гаустинцы суть грустинцы, — говорить Лербергъ, — подтверждается тѣмъ, что мы здѣсь находимся въ такой области, которая никогда не токмо изъ Сибири, но и изъ южныхъ азиатцевъ была изъ великой славы, но хорошему состоянію жителей онъ. Винѣтъ отъ Томска приходить по Оби въ Нарымъ. Здѣсь никогда была станица Ільгай орда, на которую въ 1592 г. по царскому повелѣнію, ходили войскою казаки и вскорѣ послѣ того занесали ону». См. Зап. ист.-фил. факульт. Ими. Сиб.-скаго універ., т. XIII, изслѣдованіе проф. Е. Е. Замысловскаго о сочиненіи Герберштейна, стр. 419—420.

⁵⁷⁾ Проф. Замыловскій говоритъ (Зап. ист.-фил. фак. Ими. Сиб.-скаго універ., т. XIII, стр. 438): «Обдора — область въ которой находятся подъ Золотой Бабой, стоящей на правомъ берегу Оби, тамъ, гдѣ она впадаетъ въ океанъ. Это опредѣленіе (Герберштейна) подтверждается и тѣми данными, которыя находятся въ книгѣ Большой Чертежѣ: «А на Оби

Вообщѣ, всетаки, пужно сказать, что записки Герберштейна о Московіи тѣ свое время сообщали много новыхъ данныхъ, особенно по гидрографіи Сѣвернаго бассейна. «Записки о Московіи», — говорить проф. Е. Е. Замысловскій, — даютъ до двадцати девяти рѣчныхъ названій этого бассейна, а сочиненія о Московіи, появившіяся въ печати до 1549 года, — всего только три названія. Всѣ Герберштейновы позвѣстія по гидрографіи того же бассейна относятся къ той части его, предѣлы которой составляютъ р. С. Двина на западѣ и р. Обь на востокѣ. Изъ рѣкъ, текущихъ на западъ отъ С. Двины, ни одна даже не поименована, хотя, повидимому, сѣдѣнія обѣ этихъ рѣкахъ могли быть переданы Герберштейну тѣми посыпленіями изъ Данію толмачами, которые совершили туда путешествіе черезъ Бѣлое море. Но и безъ этихъ сѣдѣній, сообщенныхъ въ Запискахъ о Московіи извѣстія о сѣверныхъ рѣкахъ восточно-европейской равнинѣ, а также и о р. Оби, должны быть признаны замѣтными, такъ какъ они были новыми въ западно-европейской географической литературѣ и первые дали понятіе о наиболѣе значительныхъ рѣкахъ нашего сѣвера⁵⁸⁾.

Герберштейнъ для поясненія своихъ Записокъ о Московіи составилъ географическую карту, которая была издана (Гирефогелемъ) въ 1546 году за три года до изданія Герберштейнова путешествія. Въ этой картѣ сравнительно съ описаціемъ путешествія нѣть никакихъ особыхъ указаний относительно сѣверо-запада Азіи⁵⁹⁾.

Упомянемъ обѣ одной старинной картѣ, относящейся къ предмету, наше интересующему. Западно-европейскій писатель, Себастіанъ Мюнстеръ, присоединилъ къ своему сочиненію небольшую карту, на которой въ первый разъ Россія представлена отдельно. Себастіанъ Мюнстеръ составилъ Космографію, сборникъ всѣхъ ученыхъ сѣдѣній своего времени о мірѣ⁶⁰⁾. Эта Космографія рѣкъ и по рѣкамъ, которыхъ рѣки въ нее нали, отъ устья вверхъ Обдорескіе грады⁶¹, къ этимъ градамъ, вѣроятно, принадлежало и цыбійское село Обдорекъ, Тоб. губерніи, Верхненского округа, въ 6 верст. отъ владеній р. Полуя въ Оби, подъ 66° 31' сѣв. шир. и 84° 15' вост. долготы⁶².

⁵⁸⁾ Ibidem, стр. 150—151.

⁵⁹⁾ Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, Миддендорфа, стр. 32.

⁶⁰⁾ Обстоятельный обзоръ сѣдѣній о древней Россіи Себастіана Мюнстера читатель найдетъ въ статьѣ проф. Е. Е.

иъ полстолѣтіе выдержала 12 изданій. Появилась она въ первый разъ въ 1544 году. По словамъ академика Миддендорфа, она восточномъ углу упомянутой карты мы видимъ и частичку Сибири, съ названіемъ Оби въ необыкновенномъ обилии водъ, видимъ и безъименный притокъ ея по направлению рѣки Тауды, которое различно, хотя, по всей вѣроятности, лишь случайно соответствуетъ ея изгту на пытѣнныхъ картахъ. На этой рѣкѣ или, можетъ быть, на самой Оби значится древній городъ Сибирь (Sybir), а дальше впередъ по рѣкѣ стоять другой городъ, еще больше, но безъ имени, напоминающій своимъ положеніемъ нынѣшній Нелымскъ⁶³⁾.

Трудно сказать, откуда взялась эта небольшая карта Сибирской земли. По всей вѣроятности, она была составлена на основаніи сѣдѣній какогонибудь путешественника, побывавшаго въ Московіи. Только можно съ увѣренностью сказать, что упомянутая карта не заимствована у Герберштейна, такъ какъ есть большая разница между этой картой и картой Герберштейна. На картѣ послѣднаго, по словамъ Миддендорфа, не обозначено городъ Сибирь; зато явноется у него Ураль подъ именемъ поиса земли — eisgulus terrae или даже шанды, рѣвнительно между Европой и Азіей. Имена же рѣкъ: Ussa (Уса), Vischa (Вишера), Sossa (Сосна) и Szuchogora (Щугоръ), свидѣтельствуютъ о довольно ясномъ представлении о путяхъ, которые вели тогда въ Сибирь черезъ Уральскія горы. Въ первый разъ здесь обозначенъ Иртишъ⁶⁴⁾.

VII.

Рафаэль Барберини.

Въ описаніи путешествія въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 году заключаются кое-какія сѣдѣнія о горахъ Рифейскихъ (Уральскихъ) и о татарахъ сибирскихъ. Приведемъ эти сѣдѣнія, замѣтимъ, что они не представляютъ ничего нового, сравнительно съ указанными нами другими путешествіями, и являются почти только повтореніемъ однихъ и тѣхъ же небогатыхъ фактическими данными и даже баснословными разсказами.

Замысловскаго: «Описание Литвы, Самогитіи, Россіи и Московіи Себастіана Мюнстера», въ Жури. Мин. И. Ир., ч. CCXI, 1880, сентябрь. Къ сожалѣнію, намъ не удалось воспользоваться этой статьей при составленіи настоящаго очерка.

⁶¹⁾ Путешествіе Миддендорфа, стр. 30.

⁶²⁾ Ibidem, стр. 31 и 32.

о Зауральскомъ краѣ въ XVI вѣкѣ, до эпохи завоеваній Ермака.

О горахъ Рифейскихъ Барберини пишетъ: «Многопремного сутокъ надо плыть рѣкой Двиною, чтобы дойти до того мѣста, гдѣ находятся знаменитыя Рифейскія горы, для открытия которыхъ, сказывалъ мѣшъ одинъ русскій, былъ посланъ отцемъ имѣніяющаго повелителя Руси (т. е. великимъ княземъ Василіемъ) отецъ этого русскаго и многіе другіе, и сказывать оны мѣшъ, какимъ образомъ взошли они на самое высокое мѣсто этихъ горъ, и какъ, занасинъ въ эту путь всѣмъ необходимо, взирались изъ окномъ семицадцать дней на поверхность хребта. Горы эти, какъ сказываются, утесисты и безилодны, и водятся на нихъ только бѣлые соколы, превычайно отвѣсные и сильные. Я видѣлъ ихъ,—говорить Барберини,—въ Москвѣ у государя, который чрезвычайно ихъ уважаетъ за храбрость⁶²⁾. Въ другомъ мѣстѣ описанія своего путешествія Барберини говоритъ о тѣхъ же Рифейскихъ горахъ: «Во многихъ суткахъ пути отъ рѣки Двины, у Златой Бабы (Slata Baba) находятся Рифейскія горы, именуемыя Поясомъ Мира, и тѣ, которые тамъ бывали, сказываютъ, что взирались на нихъ изъ окномъ семицадцать дней; что состоять они изъ отвесныхъ и нагихъ утесовъ, и что водятся на нихъ бѣлые соколы, именуемые кречетами (girifalchi), которые привозятся въ Москву»⁶³⁾.

О татарахъ Сибирскаго царства Барберини сообщаетъ слѣдующія извѣстія: За этими же (т. е. Рифейскими) горами находится царство сибирскихъ татаръ; народъ этотъ покоренъ Москвию и находится у нее въ подданничествѣ; поклоняется истукану какой то старухи, которую зовутъ Золотою Бабою (Slata Baba); идти у нихъ домовъ или постороннихъ жилищъ, но всегда разъѣжаютъ кругомъ въ санихъ, по сиѣгамъ и лѣсамъ, промышляя звѣриною ловлею. Но преимущественно вывозятся оттуда богатѣйшия соболи, и когда наступитъ пора собственно для ловли этихъ звѣроковъ, что бываетъ весной, когда природа одѣвается ихъ самыми пышными мѣхомъ, звѣроловы, отправляясь на охоту, дѣлаютъ сначала объѣзденія своей богинѣ, что первый мѣхъ со звѣра, котораго убьютъ, привезутъ ей въ благодарность, лишь бы только поблагодарилъ ее на лошади, и

⁶²⁾ Смъ Отечества, 1842, кн. VII. Сиб. Путешествие въ Москвию Рафаэля Барберини въ 1565 году. Стр. 30—31.

⁶⁴⁾ Ibidem, стр. 39.

уже свято соблюдаютъ свой обѣтъ; такимъ образомъ столько тамъ всякихъ мѣховъ на нее навьючиваются, что даже эти мѣха просто загинаются. Отираясь же на лошади, пробываются тамъ столько времени, сколько именно продолжится у нихъ мясная порція изъ животныхъ, которыхъ ежедневно налачиваютъ, и тѣмъ ови живутъ. И разговаривая.— пишетъ Барберини,— и даже ёлъ съ двумя такими звѣроловами, которые были при дворѣ, по случаю привоза своей обычной дани государю. Дань эта вся состояла изъ разномъ пушиномъ товаровъ, въ большомъ количествѣ. Самы же они были одѣты въ камзолахъ и исподнемъ пиджакъ, по сшитыхъ изъ оленыхъ шкуръ съ ширстью, и съ длинными глухими рукавами, вирочемъ, съ прорѣхой внизу для свободного просева руки оттуда, когда нужно; на головѣ тоже мѣхониша шапка, и притомъ еще длинный мѣховой тулузъ поверхъ всего. Они были высокаго роста, но безъ краски въ лицѣ и безъ бороды, почему собственно походили болѣе на старухъ; вирочемъ, это, сказываютъ, происходитъ вообще отъ постороннихъ тамъ холодовъ. Въ этомъ (т. е. Сибирскомъ) царствѣ протекаетъ всего одна рѣка, по которая, какъ сказываютъ, чрезвычайно широка, такъ что съ трудомъ можно перѣѣхать черезъ нее въ одинъ тамошний день; называется она Обь (Obi), и сказываютъ, что вытекаетъ изъ одного большаго озера Каттац (Cattajo), въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится и главный каттайскій городъ, именуемый Каибулики (Canbuliche)⁶⁵⁾.

Продолжая передавать содержаніе своей бесѣды съ двумя упомянутыми татарами, Барберини приводить, со словъ этихъ разсказчиковъ, а также пользуясь сиѣдѣніями и другихъ лицъ, различія басинъ о чудовищахъ или странныхъ народахъ, обитавшихъ далѣе за рѣкою Обью. «По сказанію же тѣхъ двухъ татаръ.... есть, цомится,—пишетъ путешественникъ,—за этой рѣкою (т. е. за Обью) еще какой-то народъ, именуемый лукоморами (Lusimori), которые въ поясѣ мѣсяца становятся такими флегматиками, что вытекаетъ у нихъ въ большомъ количествѣ какая-то клейкая матерія черезъ поры, въ особенности посомъ, такъ что захватывается имъ дыханіе, и тогда погружаются они въ глубокій сонъ до апрѣля мѣсяца! Находя это довольно страннымъ и чуднымъ, я смѣялся тому; но татары мѣшъ клялись, что это сущая правда, и я, однакожъ, не довольствуюсь

⁵⁾ Ibidem, стр. 31—32.

этимъ, разспрашивать о такой диковинѣ еще у разныхъ лицъ, которая вѣдь отвѣчали, что дѣйствительно ходить такая молва, и что вѣдь, кто ни приѣдетъ оттуда, подтверждаютъ это. Разсказывали они миѳ также, хотя и вообще я слышала, что за этими лукоморами находится еще болѣшая рѣка, именуемая Таханинъ (Tachanin). изъ которой находятся будто бы рыбы соприченою похожія на человѣка, т. е. имѣютъ вѣдь же члены, только покрыты чешуею, какъ у прочихъ рыбъ. На берегахъ же этой рѣки есть огромные лѣса съ чудовищными народами, у которыхъ голова авѣрнай, съ глазами во лбу; тамъ находятся также и другія тому подобныя чудовища, о которыхъ, вирочемъ, не имѣютъ бѣже никакого свѣдѣнія»⁶⁶.

Наконецъ Барберини упоминаетъ въ своемъ сочиненіи еще обѣ одной группѣ сибирскихъ татаръ и приводитъ свѣдѣнія о какомъ-то странномъ животно-растѣніи, встрѣчающемся въ землѣ названныхъ татаръ. Барберини пишетъ: «Есть еще вардъ, близъ Персидскаго моря (шаг di Persia) по Волгѣ: это такъ называемые сибирские татары (Tatari Zibiri); и въ этой землѣ, какъ сказываютъ, протекаетъ рѣка Тайхъ (Taich). а между нею и Волгою произрастаетъ будто бы особаго рода сѣма, похожее на сѣмена дыни, съ тою разницей только, что оно немнога покрупѣе, и производить плодъ похожій на ягиченка (simile a un agnello). Стебель у него выходитъ чрезъ пупокъ и возвышается на три пяди; ноги мохнатые; роговъ нѣть; передняя часть какъ у раковъ, которыхъ щѣять, а задняя мясо: живутъ они, пока имѣютъ вокругъ себя пищу; а называются ихъ баранцами (Bazanez), что значитъ: ягнѧта. И я видѣлъ, — утверждаетъ Барберини, — птицы мѣховыя, которыхъ, какъ сказывали миѳ утвердительно, были изъ шкuroкъ этого животнаго»⁶⁷).

Не можемъ сказать, по поводу чего именно создался этотъ баснословный разсказъ о растеніи-животномъ. Также не находимъ возможнымъ найти раціональныя объясненія и другимъ приведеннымъ баснямъ путешес-твенника Барберини о разныхъ чудовищныхъ народахъ.

IX.

Александра Гвацианіи.

Итальянецъ Александръ Гвацианіи (1538—1614, вы-
шій на службѣ у Стефана Ваторія, оставилъ объеми-

⁶⁶) Ibidem, стр. 32—33.

⁶⁷) Ibidem, стр. 38.

стыхъ компиляцій (Sarmatiae Europeae descriptio. Cr. 1578, I edit.), заключающей свѣдѣнія о Москвѣ и, по отзыву К. Н. Бестужева-Рюминна, представляющія мало интереснаго⁶⁸). Въ сочиненіи Гвацианіи, въ статьѣ Описио regionum Moscoviae descriptio (Описание всѣхъ земель Московскихъ), находятся кое-какія свѣдѣнія о Сибири вообще и въ частности объ Югрѣ, Обдорѣ, Кондорѣ, Лукоморіи и объ идолѣ Золотой Старухи, или, какъ говорятъ другіе писатели, Бабы. Нужно замѣтить, что вѣдь эти свѣдѣнія Гвацианіи довольно неопределены, сбиваются, баснословны и большую частію служатъ показаниемъ того, что уже сообщено другими писателями, какъ, напримѣръ Герберштейномъ, говорившимъ о томъ же предметѣ. Для сравненія съ другими извѣстіями о єкверѣ Азіи пелчине, однако, привести и свѣдѣнія Гвацианіи.

О землѣ тюменскихъ татаръ Гвацианіи только замѣчаетъ, что «съ Пермью граничитъ Тюменское царство, которымъ владѣетъ татаринъ»⁶⁹).

О Сибирской землѣ Гвацианіи сообщаетъ: «При рѣкѣ Камѣ, между Пермской и Вятской землями, находится Сибирская земля, въ которой совсѣмъ пѣть городовъ и крѣпостей. Въ этой землѣ береть начало большая рѣка Яикъ, которая, пройдя по татарскимъ областямъ, вливается въ Каспийское море. Обитатели Сибирской земли говорятъ на своеобразномъ нарѣчиѣ; хлѣба они не употребляютъ, но извѣстны мясомъ зайцемъ. Жители добываютъ для продажи разные мѣха (носятъ у нихъ преображенійного качества); мѣхами же они платятъ дань великому князю московскому. Сибирская область почти вся покрыта болотами и лѣсами; и, какъ говорятъ, благодаря сопѣству татаръ, эта страна болѣе чѣмъ на половину совсѣмъ необитаема»⁷⁰).

Объ Югорской землѣ Гвацианіи пишетъ: «Область Югра, или Юра, жители которой называются югры, или югричи, расположена при Сѣверномъ океанѣ. Разказы-югричи, расположена при Сѣверномъ океанѣ. Разказы-

⁶⁸) К. Бестужевъ-Рюминъ: Русская история. Томъ I. Спб. 1872. Стр. 184.

⁶⁹) Historiae Ruthenicae scriptrores exteri saeculi XVI. Collegit et ad veterum editionum fidem edidit Adalbertus de Starczewski. Volumen I. Berolini et Petropoli 1841. VII. Alexandri Guagnini Veronensis: Omnia regionum Moscoviae descriptio. Pag. 13.

⁷⁰) Ibidem, стр. 13—14.

ваютъ, что, вслѣдствіе исподородія этой области, изъ нея нѣкогда вышли венгры и заняли Паннонію. Говорить, что они, оставивъ родныя мѣста, сначала поселились при Меотійскихъ болотахъ; затѣмъ пересели къ рѣкѣ Дунаю, въ Паннонію. Послѣдняя область, по имени венгровъ, называлась сначала Югаріей, а затѣмъ Венгріей. Подъ предводительствомъ Атиллы венгры завоевывали многія области въ Азіи и Европѣ. Поэтому московиты очень много похваляются, заявляя, что нѣкогда бывшіе ихъ подданные опустошили Германію, Италію и Грецію, и весь міръ приводили въ трепетъ. Туземцы этой области платятъ дань великому князю московскому; говорятъ они одинаковыми съ венграми языкомъ,⁷¹⁾)

О землѣ Обдорской Гваньини сообщаетъ ниже слѣдующія сѣдѣнія; при этомъ писатель особенно расширяется объ идолѣ Золотой Старухи (ио другимъ пишателемъ, Золотой Бабы). «Обдорія,— пишетъ Гваньини,— получила название отъ протекающей по этой области рѣки Оби. Послѣдняя беретъ начало изъ одного очень большаго озера, называемаго Китайскимъ; течетъ Обь по направлению съ востока на сѣверъ; впадаетъ въ Сѣверный океанъ шестью устьями. При городѣ Оби рѣка эта такъ велика, что въ ширину имѣеть 16 польскихъ миль, или 80 московскихъ верстъ, и въ этомъ мѣстѣ съ трудомъ ить 2 дни можно переплыть черезъ рѣку на парусномъ судиѣ при сильномъ испутномъ вѣтре; рѣка эта такъ изобилуетъ рыбой, что послѣдняя мѣшаетъ свободному движенію веселъ. По берегамъ Оби живутъ ногулчи и югрич. Они охотятся на различного рода звѣрей, мясо которыхъ питаются (такъ какъ употребленіемъ хлѣба они незнакомы), а мѣхами платить дань князю московскому»⁷²⁾.

Объ идолѣ Золотой Старухи Гваньини пишетъ: «Въ Обдорской области, недалеко отъ устья рѣки Оби, находится одинъ очень древній идолъ, выѣченный изъ камня; московиты называютъ его Золотой Бабой, т. е. аингеа аинис. Это есть изображеніе старой женщины, держащей одного ребенка у себя на колѣнѣхъ, а другаго подъ съ боку; послѣдний ребенокъ, по общему мнѣнію туземцевъ, — ея внукъ. Этотъ идолъ пользуется почитаніемъ у обдорянъ, югричей, ногуличей и у другихъ соединенныхъ народовъ; они жертвуютъ идолу самые луч-

⁷¹⁾ Ibidem, стр. 14.

⁷²⁾ Ibidem, стр. 15.

шіе и цѣнныя соболи мѣха, а также дорогія шкуры другихъ звѣрей; самыя хорошихъ оленей закалываютъ для принесенія въ жертву идолу. Кровью жертвеннаго животнаго мажутъ лицо, глаза и вообще всего идола, а сырья внутренности жертвы сѣбѣдаютъ. Во время жертвоприношенія жрецъ спрашивается вдола, что жителямъ нужно дѣлать, или куда слѣдуетъ переселяться. Идолъ же (удивительное дѣло!) обыкновенно даетъ воопрошающимъ вѣрные отвѣты и безошибочно предсказываетъ о предстоящихъ обстоятельствахъ. Рассказываютъ также, что въ горахъ, находящихся по сосѣдству съ этимъ идоломъ, раздаются звуки и звонъ (boatus), какъ будто бы играютъ на трубахъ. Мнѣ же кажется, что это не что иное, какъ какіе нибудь инструменты, създанные положенные въ горахъ, или подземные каналы, устроенные самой природой, въ которыхъ вслѣдствіе постояннаго вѣнчанія вѣтровъ происходить безпрерывные звуки, звонъ и шумъ. Выше по рѣкѣ Оби, плѣво, на равнинѣ обитаетъ народъ калмыкъ, платящіе дань князю московскому. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья рѣки Оби и отъ того мѣста, где стоитъ идолъ Золотой Старухи, протекаетъ очень много большихъ рѣкъ, какъ-то: Иртышъ, Березава, Сосса, Тахинъ, Данидъ, и много другихъ рѣкъ, берущихъ начало въ горахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пояса Земли. Говорятъ, что обитатели, живущіе по берегамъ этихъ рѣкъ до того мѣста, где находится идолъ Золотой Старухи, и до самаго Сѣвернаго океана, платятъ дань великому князю московскому»⁷³⁾.

Область Кондора, по описанію Гваньини, представляеть слѣдующее: «Эта область расположена при Сѣверномъ океанѣ, граничитъ съ Обдорской землей. Кондора почти вся покрыта лѣсами и рѣками; жители говорятъ на особенномъ нарѣчіи; они вмѣстѣ съ обдорянами почитаютъ идолъ Золотой Старухи; пищѣй служить имъ мясо всякаго рода звѣрей, имѣющихся у нихъ во множествѣ, а различными шкурами они платятъ дань князю московскому. Въ этой области совсѣмъ нѣть ни городовъ, ни укрепленій, ни сель. Название области внесено въ титулъ князя московского, именующаго себѧ княземъ Кондоринъ»⁷⁴⁾.

О землѣ Лукоморіи писатель сообщаетъ: «Лукоморская земля занимаетъ большое пространство близъ Сѣ-

⁷³⁾ Ibidem, стр. 15.

⁷⁴⁾ Ibidem, стр. 15.

вериаго океана; жители ея не строят себѣ домовъ, а обитаютъ въ лѣсахъ и на поляхъ. Смежно съ этой землей живутъ серноновцы и грустинцы, которые получили такое название отъ крѣпости Грустинъ, расположенной при Китайскомъ озерѣ, изъ которого береть начало вышеупомянутая рѣка Обь. Отъ этого озера обыкновенно приходятъ къ крѣпости Грустинъ черные люди, не понимающіе туземнаго (сопининѣ) языка; они приносятъ сюда различные товары, преимущественно же драгоценныя камни (шіонес, гемінас lapidesque pretiosos), которые пріобрѣтаются грустинцами и серноновцами въ обмѣнъ на разные предметы. Обитатели Лукоморія, также какъ грустинцы съ серноновцами, и всѣ другіе народы, какіе только живутъ за рѣкою Обью и за Китайскимъ озеромъ, а также по рѣкамъ: Сосса, Березна, Даиадимъ и Тахинъ, вплоть до Ледовитаго океана, — всѣ эти народы считаются даниками великаго князя московскаго. Еще о пѣкоторыхъ народахъ, обитающихъ въ Лукоморіи, рассказываютъ чѣто странное и неизвѣдтое. Такъ говорять, будто бы они ежегодно, съ 27 октября, предъ наступлениемъ сильныхъ зимнихъ холодовъ, умираютъ подобно цыпкамъ (переводимъ слово hirundines вмѣсто hirundines, ласточки, какъ напечатано въ текстѣ) и лягушкамъ. Потомъ, какъ говорять, съ наступлениемъ весны 24 апрѣля, они вновь оживаютъ. Рассказываютъ еще, что эти же люди съ грустинцами и серноновцами, съѣздними съ иными народами, ведутъ торговыя спошения слѣдующимъ образомъ: какъ только эти народы почувствуютъ, что имъ пора уже умѣрать, они въ извѣстныхъ мѣстахъ раскладываютъ свои товары; грустинцы же и серноновцы забираютъ эти товары, оставляя въ томъ же мѣстѣ свои товары равной стоимости. Лукоморскіе же народы, возвратившись къ жизни, беруть вмѣсто своихъ эти товары, если послѣдніе покажутся имъ равноценными; если же оцѣнка сдѣлана несправедливо, лукоморцы свои товары требуютъ назадъ отъ грустинцевъ и серноновцевъ; изъ-за этого, какъ говорятъ, между ними весьма часто происходятъ споры и драки. Въ горахъ Лукоморскихъ береть начало большая рѣка Коссий, которая, пройдя чрезъ Лукоморіе, изливается тоже въ большую рѣку Тахинъ. Въ рѣкѣ же Тахинѣ, какъ говорятъ, водятся рыбы, которыхъ напоминаютъ челоѣка головою, глазами, посомъ, лицемъ, руками и ногами, но не имѣютъ никакого голоса. Также рассказываютъ, что за этой рѣкою живутъ люди чудовищнаго вида, изъ которыхъ одни, подобно

зѣбрямъ, покрыты жесткими волосами, другіе же, съ собачьими головами, обитаютъ въ подземныхъ пещерахъ»⁷⁶⁾.

Изъ обзора свѣдѣній западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ о сѣверной Азіи видно, что русскіе и Западная Европа до послѣдней четверти XVI столѣтія знали очень немногое о сѣверной Азіи и ея обитателяхъ. При этомъ свѣдѣнія ихъ далеко не отличались точностью, не были положительными, и даже нѣ большинствъ случаевъ оказывались баснословными. Только со временеми Ермака, начавшаго эпоху русскихъ завоеваній на сѣверо-западѣ Азіи, эти страны стали выходить изъ мрака и дѣлаться извѣстными любознательному миру, а до того времени онъ почти въ буквальномъ смыслѣ были *terrae incognitae*.

⁷⁶⁾ Ibidem, стр. 15—16.